

ДАВО

**ОБНУЛЕНИЕ
НИЖНЕЕ ЦАРСТВО**

18+

Даво Даво

Обнуление | Нижнее царство

«Автор»

2026

Даво Д.

Обнуление | Нижнее царство / Д. Даво — «Автор», 2026

Риван — матриархальная страна строгих ритуалов, жриц и жертвоприношений. Здесь принято умирать красиво и вовремя. Ласи — послушница, предназначенная для вознесения богам. До её жертвы остаётся всего один год, когда мир начинает рушиться: война, беженцы, голод, предательство и странные решения тех, кто должен защищать. Постепенно становится ясно, что боги Ривана — не совсем боги, а жертва — не совсем жертва. За древними обрядами скрывается холодная система, где человеческая жизнь — товар, а вера давно превращена в бизнес. «Обнуление» — социально-фантастический роман о выборе, страхе, взрослении и цене, которую приходится платить за иллюзию смысла. Это история о мире, где человеку предлагают счастье — при условии, что он согласится перестать быть человеком.

© Даво Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление	6
Глава 1 Камень Ласи	8
Глава 2 Праздник Иды	13
Глава 3 Нижние сады	22
Глава 4 Карс	29
Глава 5 Турнир	35
Глава 6 Кана	40
Глава 7 Собор Матери Тивеллы	45
Глава 8 Камыши	51
Глава 9 Джейтунец	55
Глава 10 Лана	59
Глава 11 План ограбления	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Даво Даво

Обнуление | Нижнее царство

Название: Обнуление | Часть 1 | 40 Дней Лета

Автор: Даво

Вступление

ОБНУЛЕНИЕ НИЖНЕЕ ЦАРСТВО

– Пошевели пальцами. Не слишком туго? – Жрица аккуратно натягивала последний слой тончайшего шёлка, подняв на неё внимательный взгляд.

– Нет, всё хорошо, – голос Ласи прозвучал слишком ровно, даже для неё самой.

– Ты с утра какая-то грустная, – заметила помощница жрицы, с участием наклоняясь ближе. – Это же твой день, твой личный Праздник! Вечером тебя принесут в жертву и отправят к богине в Верхнее Царство! Почему ты не радуешься, как остальные? Мы все мечтали бы оказаться на твоём месте.

– Я знаю... – Ласи с трудом сдержалась, чтобы не поморщиться.

Интересно, сколько мне понадобится времени, чтоб сорвать с себя все эти ленты и сбегать? Но куда бежать? Когда нас заведут в пещеру, будет поздно. Меня сразу же убьют, если я выйду из нее...

– Не утомляй её своими восторгам. – Голос жрицы стал мягче, но не менее строгим. – Девочка и без того напряжена.

Она села рядом и внимательно посмотрела на неё, будто пыталась заглянуть в самую суть её мыслей.

– Ты не переживай, Ласи, всё будет хорошо. Богиня Тивелла примет твою жертву в числе первых – ты ведь из Великого дома, да ещё и дочь Ланы. Они не оставят без внимания такое сокровище. Да и я сама буду молиться за тебя весь год, обещаю.

Ласи опустила глаза, не находя в себе сил смотреть на Пиру.

– Я не напрягаюсь, Святейшая Пира... Просто... Просто нет настроения.

– Кто посмел обидеть мою девочку? – Пира сузила глаза. – Опять этот засранец Рон? Сам-то ходит весь довольный в предвкушении, рот до ушей.

– Нет, тётя Пира, Рон тут ни при чём.

– Ладно, – вздохнула та и кивнула помощнице. – Обмотай вторую руку, но так же аккуратно, как я. Пока схожу за украшениями.

Украшения...

Ласи вдруг почувствовала, как сжалось всё внутри.

Он забрал даже браслет, который я носила не снимая. Всё это время, все эти полгода – как последнюю ниточку, связывающую меня с ним. Меня с чем-то важным, с чем-то... с кем-то.

Она бы сейчас попросила Пиру оставить его на ней вместо храмовых украшений.

Но его больше нет. Как и ожерелья.

К чёрту Демиса.

К чёрту тебя, Демис, к чёрту! Ты просто... просто разбил во мне всё подчистую.

Она ощущала, как внутри что-то рушится, осыпается в бездну пустоты. Даже заклинаний больше не хотелось читать. Даже молиться.

Ничего не осталось.

Ничего...

Когда Пира вернулась, вместе с ней вошли разукрашенные, нарядные Рон с Ханной. Ласи сразу догадалась, что Пира привела их, чтобы хоть как-то развеять её грусть.

– Ласи, ты долго ещё? – картинно всплеснул руками Рон. – Нас всех за давно нарядили, а с тобой до сих пор возятся!

– Не сравнивай себя с ней, – жрица тут же окатила его ледяным взглядом.

– Да нет, Святейшая, я не сравниваю, – Рон поклонился и обернулся к Ласи. – Посмотри на Ханну, Лась, уж как с ней мучились, но всё равно управились.

Ласи взглянула на подругу внимательнее... и тут же прыснула со смеху.

– Ахахаха! А тебе говорила, корова, не ешь столько – не влезешь в костюм!

Она не сдержалась, смех вырвался сам собой, прорываясь сквозь тяжесть мыслей. И тут же заразил всех вокруг, будто все только и ждали, когда она рассмеётся.

Даже Ханна, даже Пира, даже помощница.

И было над чем смеяться – Ханна буквально втиснулась в праздничную одежду, перемотанная ремнями так, что, казалось, едва дышит. Двигалась она с таким трудом, что напоминала куклу, которую слишком туго затянули в наряд.

Ласи, всё ещё смеясь, только сейчас осознала – подруга действительно сильно изменилась.

Ханна и раньше никогда не была худышкой, но сейчас... Вернее, за зиму, она набрала вес. Сильно.

И с этой мыслью что-то внутри снова болезненно сжалось.

После казни... Ханна начала поправляться после той казни. Не справилась, бедняжка...

Ласи снова слышала рёв толпы, звон мечей, падающие трибуны, крики на камнях Дворцовой площади. Слезы Ханны. Своё ошеломлённое состояние, словно кто-то ударил её по голове. И этот звон в ушах... Невыносимое состояние.

Больно.

Невыносимо больно.

Ханна, словно поняв, что происходит в душе у подруги, вдруг сделала шаг вперёд и крепко прижалась к ней, щекой к щеке.

– Не грусти, Лась. – Голос её был тихим, тёплым, таким родным. – Скоро всё закончится. Нас принесут в жертву и мы наконец оставим этот мир в Нижнем Царстве.

Ласи закрыла глаза.

Она хотела что-то сказать, но слова застряли в горле. Они так мечтали об этом дне. С самого детства. Все втроем. Если б не события прошедшей зимы, она сейчас кружилась бы от счастья прямо в этом зале.

Хотя... Хотя все началось еще прошлым летом. Задолго до этой ужасной Студёной войны...

Глава 1 Камень Ласи

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

40 ДНЕЙ ЛЕТА

до жертвоприношения оставался ровно год

Нос получился слишком красивым, а губы – тоньше, чем хотелось бы... Да и эти восходящие брови были не её, а скорее мамины. Волосы... если бы мама не обрезала ей весной кончики, они сейчас были бы именно такими...

Ласи придирчиво рассматривала собственный портрет. Рон явно перестарался и приукрасил ее, надо будет сказать ему об этом. Не сейчас, а позже, когда люди разойдутся по своим делам.

И всё же ей нравились восторги толпы. Она с удовольствием прислушивалась, когда кто-то шёпотом, чтобы не мешать Рону, начинал восхищённо ахать и призывать в свидетели богов.

Ханна стояла рядом и, вопреки привычке, не сновала повсюду за Ласи, когда та отходила то в сторону, то назад, чтобы разглядеть творение Рона со всех сторон.

Подружка ещё с полудня замерла перед камнем, намертво вцепившись взглядом в изображение, не моргая. Это было настолько нехарактерно для Ханны, что Ласи забеспокоилась:

– Что с тобой?

– Пошла к чёрту.

– Ну, слава Тивелле, подала голос. Я подумала, может, ты умерла, а мы не знаем.

– Убейте меня кто-нибудь.

– Ханна!

– Я покончу с собой, Ласи. Этой же ночью повешусь, – заламывая руки запричитала подруга.

– Зачем столько ждать? Вон обрыв прямо за камнем, иди прыгни, и дело с концом.

– Я боюсь высоты. А то бы прыгнула.

– Жаль. Это была бы прекрасная история про Рона, камень Ласи и девушку по имени Ханна, которая от зависти бросилась со скалы. Люди ещё много лет рассказывали бы эту легенду.

– Боги, он тебя увековечил, Ласи... Ради меня никто никогда не сделает ничего подобного.

– Ну, хватит уже причитать, Ханна, и перестань так пялиться на Рона. Мне становится стыдно за тебя.

– Если бы я ему тогда не дала, сейчас на камне красовался бы мой портрет...

– Если бы ты ему не дала, то следующим летом нас принесли бы в жертву в одной ладье, как мы мечтали с детства, глупая ты дура. Мне хочется побить тебя каждый раз, когда вспоминаю об этом.

– Я всё равно не жалею ни о чём, Ласи.

– Заткнись! – Ласи вскинула руку, давая понять, что разговор закончен.

Мысль о том, что Ханна лишила себя шанса вознестись на небо, как почтенная девственница, уже полгода не давала ей покоя и портила настроение.

– Ну посмотри на Рона, как можно устоять перед таким красавцем. – кричала откуда-то сзади Ханна, стараясь не отставать от подруги.

– Я же ведь устояла.

Рон трудился с самого утра, чтобы закончить к вечеру, до начала праздника. Под палящим солнцем его тело покрывалось потом, и капли летели в разные стороны каждый раз, когда он с силой ударял молотком по зубилу.

Ласи вдруг захлестнули воспоминания. Она снова почувствовала липкость его потных пальцев, боль в бедре и бешенство от воспоминаний, как он прижимал её своим огромным телом, ломая её волю. Если бы она не увернулась и не всадила ему пятку в пах, он бы добился своего. Её, дочь Ланы из дома Нортонов, будущую избранницу богини! Ему было плевать, что он мог разрушить её жизнь, лишив девственности и возможности стать вайпидой. Нет, она не простит.

Никогда!

Она подобрала подол платья и быстрым шагом направилась к камню. Почувствовав неладное, Ханна пыталась остановить ее, схватив за локоть.

– Лась! Не ходи туда, ты все испортишь! Стой, кому говорю!

Похоже, Ханна тоже с ними в сговоре. Поэтому и изображала из себя плачущую завистницу.

Мысль о предательстве подруги еще больше взбесила Ласи и она ускорила шаг. Она разбила бы горшок с красками, если б не подоспевший Вил – дружок Рона.

– Ты что творишь? – шепотом возмущился он, вместе с Ханной оттаскивая ее от горшка.

Ласи все же успела заехать ногой Рону по заднице, от чего тот наконец оторвался от своего творения и резко обернулся.

– Что с тобой, милая? – только и смог вымолвить новоиспеченный художник.

– Не смей называть меня милой! Не смей рисовать мои портреты! Я тебе не разрешала этого делать!

Смачная пощечина вызвала на лице Рона еще большее недоумение.

– Лась, Лась, остановись! Люди смотрят! – Ханна тут же кинулась разнимать.

– Мне плевать! Я ему сказала же – забыть меня навсегда! И ты тоже, овца, забудь обо мне! Мы больше не подруги! Я должна была сразу понять, зачем ты меня сюда тащишь.

– Ты успокоишься или нет, дура?! Вил, бери ее в охапку и тащи к воде. А ты что устался, Рон? Продолжай свою работу.

– Что с ней, Ханн?

– Что с ней?? Ты не знаешь, что с ней, придурок?! Я тебе говорила тогда – не лезь к ней! Давай заканчивай, нам скоро идти к храму. Она сейчас остынет и снова надаёт тебе пинков – теперь уже за то, что портрет не завершен.

– Я скоро закончу, мне чуть-чуть осталось. – Рон послушно закивал, взял в руки молоток с зубилом и принялся долбить дальше.

Пока Вил с Ханной пытались утихомирить Ласи и отвлечь ее от ссоры, два месяца назад разделившей их дружную компанию надвое, людей становилось всё больше. Наверняка Вил пустил слух, что на Красной Горке некий набедокуривший парень будет добиваться прощения у девушки, и всё это может сопровождаться весельем.

Люди, прибывшие с отдалённых городов и деревень Ривана на Праздник Иды, слоняясь без дела по столице в ожидании полнолуния, сразу откликались на призыв сходить посмотреть, что там происходит. Они целыми группами взбирались на нависающую над городом Красную Горку, пополняя и без того огромную толпу зевак, заполнившую всю лужайку между небольшим водопадом и скалой. Некоторые приносили с собой кувшины с вином и начинали распиивать его прямо там.

Рон уже заканчивал. Толпа, собравшаяся вокруг, не спускала глаз с его работы. Когда он отходил в сторону, чтобы попить воды или поточить зубило, люди шумно вздыхали, наперебой обсуждая красоту портрета.

Рядом с героем дня носился Вил, верный друг и хранитель всех тайн Рона. Хотя правильнее было бы назвать его “распространителем тайн”. Вил с удовольствием делился секретами своих друзей с первым встречным, за что не раз получал на орехи как от Рона, так и от

остальных. Но его бесстыдство никогда не знало границ; Вил часто признавался, что любая тайна, даже самая мелкая, вызывает у него зуд в животе и вынуждает искать слушателя.

Пару месяцев назад в роли такого слушателя оказалась мама Ханны. Вил ей во всех подробностях рассказал, как её пьяная дочь потеряла девственность с Роном, лишив себя шанса стать вайпидой – избранной жертвой для верховной богини Тивеллы.

Сначала Вила жестоко избила сама Ханна, разбив об него три жерди. Затем окровавленного и побитого пакостника пинала ногами Ласи. Даже Рон, самый близкий друг, подошёл и молча отвесил ему несколько подзатыльников. Несмотря на боль, синяки и кровь, Вил, как всегда, хихикал и просил прощения. Под конец, когда все выбились из сил, его смех заразил остальных, и даже Ханна, клявшаяся утопиться после расправы, начала смеяться, как лошадь. Его простили и на этот раз.

Сейчас же Вил, напыщенный от собственной важности, расхаживал перед толпой, давая Рону советы, где долбить и в каком месте подкрасить. Рон не обращал внимания, но иногда всё же прислушивался, что ещё больше распаляло Вила.

Наконец толпа одобрительно загудела и начала громко хвалить Рона, который, стоя у водопада, тщательно отмывал руки от пыли и грязи. Дело было сделано! На скале с человеческий рост красовался удивительно похожий портрет Ласи. Видимо, по замыслу художника, он должен был растопить сердце той, кому был посвящен.

Умывшись, тот вновь поднялся к камню, положил правую руку на его верхушку, воздел левую руку к самой Ласи и неожиданно для всех запел. Толпа сначала замерла, затем все начали оглядываться и перешёптываться. Многие только сейчас заметили, что здесь присутствует муза Рона собственной персоной. Ухо Ласи снова начал ласкать шёпот людей, удивлённых её красотой и сходством с портретом.

Рон пел о своей безответной любви, о муках, терзающих его сердце.

– Этот мир пуст, я одинок в нём без тебя, – пел Рон, – разрывается моё сердце, требуя лишь одну тебя. В тишине страдает душа моя. Приди и увидь это, приди и увидь это.

– Прошу тебя, не уходи, – продолжал он, – молю тебя, не оставляй. Оставайся в моих объятиях, оставайся в моём сердце...

«Может, всё-таки простить засранца?» – мелькнуло в голове Ласи. Она слушала Рона и чувствовала, как её сердце начинает оттаивать, предательски забывая о нанесённой обиде.

– Надеюсь, ты его простишь, и мы снова сможем гулять с ними, – Ханна словно читала её мысли.

– Вот ещё! – зарделась Ласи. – Вы специально это все устроили, чтоб мы помирились.

– Не будь занудой, Лась, любая бы после такого простила что угодно.

– Достаточно того, что ты его простила. С него и этого хватит.

– А мне за что было прощать его? Он меня не домогался. Я сама ему дала.

Когда Рон закончил песню, люди восторженно зааплодировали и стали требовать спеть ещё что-нибудь. Он с удовольствием потакал толпе, исполняя одну песню за другой, пока не запел самую известную: «Ключ к твоему сердцу».

Ласи обожала эту песню и часто, ещё до их ссоры, просила Рона исполнить её.

– Твои глаза словно море, ты цветочек в бирюзах. Ярко светит луч-улыбка, губы словно в лепестках...

Он смотрел прямо на нее. Ласи почувствовала, как вся покрывается мурашками, а ее глаза наполняются слезами. От волнения она стала глубоко дышать, ей казалось, что сердце прямо сейчас выпрыгнет из груди. В какой-то момент обида испарилась, оставив только глаза Рона, его до боли знакомый голос и этот камень с портретом изумительной красоты...

– Жизнь моя тобой смеётся, я тобою окрылен. Жизнь отдать мне остается, но не думай о другом...

Ханна схватила ее за руку и сильно сжала.

– Ты же простишь его, Ласи, простишь ведь? Клянусь, если ты этого не сделаешь, я навсегда перестану с тобой дружить! Нужно быть бессердечной тварью, чтоб не простить после такого.

– Заткнись. Ты мне мешаешь.

– Ласи, он очень жалел потом, когда протрезвел. Он мне признавался и плакал, как ребенок, клянусь тебе! И Вил тоже подтвердит...

– Ханна! Ты замолчишь или нет?

– Но, как жаль, что не смогу к сердцу ключик подобрать, и ласкать, и желать, страстно милую обнять. Все мечты и мою грусть всему свету рассказать, мне любить, мне забыть, ах не знаю как мне быть...

Когда Рон затянул припев, она уже не смогла сдержать предательской улыбки, которая разом свела на нет все ее напускное равнодушие и презрение. За улыбкой и румянцем последовали слезы – то ли от волнения, то ли от досады, что ей не удалось сдержать чувств. Они катились по щекам, словно ручьи, уходя куда-то в самое сердце. Ласи казалось, что на нее смотрит весь мир и видит эти предательские слезы. Женщины охали, цокали и бросали на нее завистливые взгляды, мужчины пялились, бесцеремонно разглядывая с головы до ног.

Вил! О, боги... Эта сволочь смотрел на нее в упор и хихикал. Нужно будет при случае огреть его чем-нибудь, решила Ласи. Впрочем, Вил будет хихикать даже на собственных похоронах, этот кретин не исправим.

Толпа вдруг начала расступаться. К ней медленно подходил Рон, допевая последний куплет.

И тут, совершенно неожиданно для всех и, в первую очередь, для Ласи, он упал на колени перед ней, склонив голову. Этим Рон окончательно ее добил. Если б он был гончаром, то сейчас мог бы гнуть Ласи как угодно и лепить из нее любые предметы.

– Прости меня, любовь моя. Я поступил неправильно и очень жалею об этом.

– Рон... – Ласи пыталась что-то сказать, но ноги сами подкосились и она рухнула вниз, в его объятия. Тут же, как по команде, рядом с ними упали Ханна с Вилом и они все вчетвером обнялись. Дружная кампания снова была вместе.

Ей было так хорошо сейчас с ними, что на секунду ее даже пронзила в самое сердце дикая боль от мысли, что в Нижнем Царстве им осталось прожить всего один год, после чего их разлучат во время жертвоприношения. Навсегда ли? Получится ли встретиться хотя бы с Ханной и Роном уже в Верхнем? Она машинально обняла друзей еще крепче, прижав к себе изо всех сил.

Толпа ревела, все наперебой кричали, подходили хлопали Рона по плечу, говорили какие-то слова, подбадривали, но они стояли на коленях обнявшись, и ничего вокруг не существовало больше. Кроме разве что мерзкого хихиканья Вила и картинных рыданий Ханны.

Люди не хотели расходиться, но кто-то вовремя заметил, что солнце скоро сядет, и все начали спускаться вниз к Собору, чтобы занять лучшие места поближе к жрицам перед началом торжеств.

Сегодня, на открытии праздника, жрицы принесут в жертву богине Тивелле лучших послушниц Храма – вайпид, удостоенных чести вознестись в Верхнее царство на Праздник Иды. В том числе двух девушек из Соркла, с которыми Ласи с Ханной дружили более трех лет и страшно гордились этим.

Пока приезжие с непривычки спотыкались на единственной и отчаянно кривой тропинке, замедляя шествие всей толпы, четверо друзей успели спуститься почти к подножию.

Они спрятались за деревьями и распивали вкуснейшее вино, которое Вил заблаговременно спрятал под кустом ежевики.

– Откуда у тебя каждый раз такие вкусные вина, Вил? Признавайся, ты их воруешь у купцов?

– Хи-хи-хи, я их вымаливаю у богов.

– Вино поистине божественное, что ни говори...

Они пили скрытно, потому что жрицы не поощряли это занятие и могли разгневаться, лишив благословения за злоупотребление вином. И хотя Ласи не считала таким уж большим грехом один маленький кувшин на четверых, она предпочитала не спорить с остальными.

Поток людей проходил совсем рядом с ними, но они оставались незамеченными. Толпа обсуждала предстоящие торжества и сетовала на неожиданно малое количество жертвоприношений. Боги гневались на народ Ривана и, помимо самих вайпид, пожелали забрать к себе лишь половину простых послушников Храма. Об этом риванцам еще в прошлом году с содроганием в голосе сообщила Верховная жрица Кальта.

Глава 2 Праздник Иды

Внизу было не протолкнуться. Весь город высыпал на площадь перед храмом. Ласи глазами искала в толпе мать, хоть и не питала особых надежд найти ее среди этого веселья. Лана, после всего, что произошло с ней 18 лет назад во время жертвоприношения, никогда не посещала праздники.

Собор Матери Тивеллы, возвышавшийся в центре Соркла, сиял в вечернем свете, словно сама природа склонилась перед красотой и величием богини. Его стены из белого мрамора, украшенные резным орнаментом, изображали сцены из жизни великих жриц и родоначальниц, чьи имена стали легендами Ривана. Каменный купол храма, увенчанный массивным символом Тивеллы, был виден с любого уголка города и напоминал ему о власти верховной богини над всем сущим.

Пройдясь на всякий случай взглядом еще раз по толпе, Ласи вырвала у Вила кувшин с вином и сделала три огромных глотка. Вытерев рот тыльной стороной ладони и шумно выдохнув, она передала кувшин Ханне.

– Ласи, что ты делаешь? Заметят же.

– Если пить, не морщась, так, как будто там вода, никто не обратит внимания. И хватит вам бояться всех вокруг. Никто не смеет делать нам замечания, кроме жриц, а они сегодня все заняты, им не до нас.

– Ханна, оставь нам тоже, ты сейчас его весь выпьешь.

– Не жадничай, Рон, у Вила наверняка еще пару кувшинов спрятано.

– У меня больше нет, это последние запасы. Было всего три кувшина, второй вы, хи-хи, под деревом выжрали, этот последний.

– А первый?

– Первый Рон выпил еще утром, пока долбил скалу.

– Ах вот оно что! Я так и подумала. Трезвым Рон никогда бы не решился упасть передо мной на колени.

– Хи-хи, Ласи, ты не права. Он вчера у Коно в рыбацкой хижине весь вечер репетировал, все ноги себе отбил.

– Заткнись, придурок, а то получишь.

– Ахахаха, нет-нет, Вил, расскажи, как было, умоляю тебя!

Вил открыл было рот, но вдруг увидел за спиной Ласи нечто, от чего сразу согнулся в поклоне. Ласи повернулась и онемела от неожиданности – толпа почтительно расступалась перед ее матерью. Она направлялась прямо к ним, таща за собой двоих младших братьев Ласи.

Лана, несмотря на возраст, оставалась одной из самых красивых женщин Соркла. Тонкий нос, острый взгляд красивых зеленых глаз из под восходящих бровей, гордый подбородок и, в довершение ко всему, лебединая шея – вся эта красота способна была свести с ума любого мужчину и, судя по слухам, сводила не раз. Однако лишь немногим из них удалось завоевать сердце Ланы.

Впрочем, Лана выделялась не только своей красотой. Она была единственной во всем Риване вайпидой, дожившей до почтенного возраста. Старики рассказывали, что в прошлом было еще два похожих случая, когда боги выбирали вайпиду, а незадолго до погребения отказывались принимать жертву.

Оба случая, как и несколько других, произошедших ранее в Джейтуне, Дживане и других местах, были связаны с внезапной хворью и болезнями, которыми заболели будущие жертвы. Отказ богов всегда воспринимался людьми как плохое знамение, так как подобные события сопровождались затем голодом, эпидемиями и войнами. И лишь Лане боги позволили войти

в погребальную пещеру вместе с другими вайпидами, чтобы затем вернуть ее обратно людям в ладье с подарками.

По мнению Верховных жриц, боги тем самым разделили с людьми свое угощение, щедро одарив их одной из лучших дев Ривана. Это мнение, сначала робко высказанное жрицей Горой, затем поддержанное Кальтой и ставшее неоспоримым, спасло Лану от ритуального убийства прямо там же у пещеры.

Был еще один момент, смутивший жриц – Лана вошла в пещеру девственницей, а вышла женщиной. Ровно через 9 месяцев после этого родилась Ласи, которая сейчас стояла перед матерью и прятала глаза.

– Ты пила?

Это был не вопрос, а скорее приговор, поэтому провинившаяся дочь предпочла не отвечать и рассматривала собственные сандалии.

– Ты же обещала мне больше не пить и не таскаться с этими животными по всему городу.

– Мам!

– Заткнись! Я с тобой дома поговорю.

Разговор был окончен. Лана направилась к храму, дети старались не отставать, то и дело оглядываясь на замершую в поклоне старшую сестру.

– Забудьте про Халиту, пьянчуги! – злорадно кричали они всей приунывшей компании.

А причин для уныния у наших героев теперь было более чем достаточно. Ласи казалось, что первым заговорит, вернее захихикает Вил, и она даже приготовилась пнуть его побольнее. Но, как ни странно, первой пришла в себя Ханна.

– Тебе конец, – негромко прошептала на ухо подружка.

– Нам всем теперь конец, – Рон зло сплюнул под ноги.

Вил молча вытащил недопитый кувшин.

– Я больше не буду.

– Да ладно, теперь-то уж что нам терять...

Пили молча и не таясь, передавая друг-другу кувшин и не обращая внимания на осуждающие взгляды окружающих.

Ласи сидела в тени деревьев, склонившись над пустым кувшином, и чувствовала, как к горлу подступает горечь. Ей было не по себе. Всё это веселье с утра, толпа, восторги, портрет – будто специально, чтобы подсластить то, от чего внутри теперь всё переворачивалось.

Она не поедет в Халиту – крупнейший город Нижнего царства. Ласи с Роном и Ханной годами мечтали об этом путешествии, копили деньги и планировали весь маршрут еще с зимы. Другим хотелось как следует погулять, посмотреть достопримечательности, насладиться шумом другой страны, другой жизни.

Халита была столицей Джейтуна – самой богатой и могущественной страны Нижнего царства, в которой, в отличие от Ривана, всем заправляли мужчины. С ее широкими улицами, величественными площадями и древними храмами, она манила всю риванскую молодежь с детства, но лишь немногим ровесникам посчастливилось увидеть ее. Из их компании только Вил побывал там и постоянно хвастался этим.

А теперь им до самого жертвоприношения оставалось лишь слушать чужие рассказы о ней и представлять, как могло бы быть, если бы всё сложилось иначе.

Ласи трясло от обиды. Она не увидит Халиту. Не побывает в Белом городе. Не посмотрит на Чудовище. Не увидит тетю Нору, которая всегда писала такие теплые и добрые письма. Не будет гулять с Таминой и Жалипом – двоюродными сестрой и братом, которые пять лет назад, будучи в гостях у них в Соркле, обещали показать ей самые красивые места столицы Джейтуна.

Нет, этому не бывать! Она вдруг резко выпрямилась.

– Мы все равно поедим в Халиту, я вам обещаю!

– Тебе же мать не разрешит.

– А что она мне сделает? Я уже год как послушница, посвятила себя богам, она не может мне что-либо запрещать. А разрешение жриц я получу от Пиры.

– Пира Норвистон?! Забудь. Пира не даст разрешения, она ваша родственница и дружит с твоей матерью. Надо у Горы просить, – размышлял Вил.

– Еще чего! – вспыхнула Ласи. – Лучше я умру, чем обращусь к этой ведьме.

– Она права, Вил, – вмешался Рон – поездку в Халиту Лана еще может простить, а вот за обращение к Горе она нас со свету сживет.

– А если у Кальты попросить разрешения?

– Ой, нет, я тебя умоляю. – решительно запротестовал Рон. – Кальта даст нам столько поручений в Халите, что на развлечения у нас вообще не останется времени. Я прошлой осенью ездил с ее разрешения в Калес и потом ташил на себе обратно к ней в монастырь груды вещей, собранных по ее поручениям с разных концов города.

– Да и черт с ними с этими разрешениями! Поедем без спросу, погуляем по городу, наедемся джейтунских блюд, посмотрим на морское Чудище, переспим с Ханной, а, если повезет, то и с Ласи – лично мне этого достаточно, – заявил Вил, хихикая через слово.

– Ко мне не лезь, ты слишком грубый. И потом, – я все еще обижена на тебя за эту дрянь Нессу – еще раз начнешь ей глазки строить, по роже получишь.

– А обо мне вообще оба забудьте даже думать. Если кто-то опять спяну полезет, пощады не ждите.

– Да ладно, мы шутим, Ласи. Никто к тебе не будет приставать, успокойся. Мы ведь уже говорили об этом.

– Тогда скажи этому придурку, чтоб не шутил на такие темы. И имей ввиду, Рон, сын Леи – с огнем играешь! В следующий раз можешь хоть весь Соркл изрисовать моими портретами, прощения не добьешься.

– Ой, ой, ой, какие мы злые. Да успокойся, ты Ласи, нам одной Ханна хватит за глаза. Ты ведь не откажешь нам, милая? – Вил картинно повернулся к Ханне и тут же получил смачную затрещину.

– Оглох? Я же сказала, ко мне не подходи. Иди на старухах тренируйся, пока не научишься делать это нежно.

– Хи-хи, какая ты жестокая, Ханна. Старухи меня и вовсе засмеют.

– Тогда овец ублажай, как Зен, сын Скари. Говорят, он уже вполне неплох для утех.

– А я кого по-твоему собрался ублажать, если не овцу?

– Ах ты, сволочь! Сейчас как врежу, будешь знать!

– Хи-хи. Ну прости, меня, прости.

– Я-то прощу. Тивелла не простит.

Вино и идиотские шутки Вила сделали свое, Ласи забыла о переживаниях и предалась общему веселью. Еще с утра, когда в ее комнату ворвалась запыхавшаяся Ханна и рассказала о том, что толпа народу собралась на Красной горке и наблюдает, как Рон создает на скале ее портрет, Ласи ощутила какую-то волну непонятного чувства, которое приятно щекотало её внутри и заставляло сердце биться с сумасшедшей силой. Когда они вместе бежали на горку, еще издали увидев огромную толпу, это чувство только усилилось. Она простила и помирилась с Роном, они снова вместе, все четверо. Ласи стояла слушала их глупости, смеялась и была счастлива. Никакие неприятности с матерью, при мысли о которых еще вчера она пришла бы в ужас, сегодня не могли заставить ее тосковать и грустить даже на минуту.

Она залезла на плечи Рона и еще раз пробежалась глазами по толпе зрителей, выискивая мать и братьев. Соту мама, видимо, оставила присматривать за слугами и Мели – самой младшей сестрой Ласи. И все же, её не оставляло в покое любопытство – почему мать пришла на праздник Иды? Она никогда не ходила на празднества и вместо себя отправляла с младшими либо Ласи, либо Соту.

Вдруг Ласи почувствовала на себе чей-то взгляд. В тридцати шагах стоял мужчина и жадно ее разглядывал. Ласи только недавно научилась отличать такие взгляды, в них было что-то животное и пугающее.

Мужчина был средних лет, щуплый, с длинными худыми руками и короткими ногами. Он явно был не местным, а одежда выдавала в нем джейтунца. Риванцы повсюду славились своим крепким телосложением – рослые, сильные мужчины были одним из характерных отличий Ривана от других земель. У физических слабых и внешне уродливых мужчин практически не было никаких шансов выжить в этой стране женщин и, тем более, оставить потомство. Сами риванские законы и традиции выкорчевывали таких мужчин, словно сорняков, бросая в небытие и вынуждая уехать искать счастье в других странах.

И вправду, Рону достаточно было бы одного удара, чтоб прибить этого щуплого коротышку. "Может, действительно, пожаловаться Рону?" – промелькнуло в голове у Ласи. Но она быстро вспомнила про мать и решила не искать новых неприятностей. Тем более, что за драку на празднике им попало бы не только от матери, но и от жриц.

Мужчина, между тем, не отводил с нее взгляд и даже пытался изобразить на лице некое подобие улыбки. Ласи это окончательно взбесило. Она повернулась, ища Вила, поманила его пальцем и наклонилась к самому уху, чтоб Рон не слышал.

– Вил, там какой-то джейтунийский урод пялится на меня.

– Ты хочешь, чтоб я принес тебе его печень? – Вил сразу повеселел и заулыбался.

– Да, вызови его на бой, но не здесь, а после праздника.

– Лааааси, сердце мое, ты решила устроить турнир? Но я не смогу убить Рона, он мне как брат...

– Какой турнир, идиот?! Я же сказала, даже не думайте об этом. Просто проучи его, чтоб не пялился на риванок, как на своих покорных овец из Джейтуна.

– Считаю, что уже проучил, сладкая. Покажи, где он.

Ласи выпрямилась и, сидя на Роне, как полководец на коне, начала руками показывать Вилу направление, не отказывая себе в удовольствии буквально испепелять джейтунийца торжествующим хищным взглядом.

Когда Вилу оставалось около десяти шагов, чтоб дойти до виновника, тот вдруг догадался о коварном плане Ласи, засуетился и внезапно исчез в толпе, проталкиваясь локтями к западной стене Собора.

Видя отступление этого труса, она разочаровано выругалась и жестами дала понять Вилу, чтоб возвращался.

Вдруг по толпе пронесся гул, а со стороны южных ворот стал отчетливо слышен бой барабанов. Ласи замешкалась. Она хотела было уже слезать с Рона, но тут же поняла, что лучшего обзора не найти на всем поле. Ханна, поняв маневр подруги, подвела к ним Вила, держа за ремень, как коня, и ловко взобралась ему на плечи. Мальчики сначала запротестовали, но пара дружеских пощечин и просьба заткнуться заставили их покориться своей нелегкой доле. Покладистость мужчин тоже была отличительной чертой Ривана. Даже Вил, обосновавшийся здесь несколько лет назад, за эти годы перенял местные порядки настолько, что ничем от риванцев уже не отличался.

Наконец, ворота открылись и оттуда торжественно, под бой барабанов выехали одна за другой четыре колесницы, каждая из которых была запряжена двумя белыми дживанскими скакунами. Лошади этой породы стоили баснословных денег, в Риване на них ездила только местная аристократия и жрицы Главного храма богини Тивеллы. Говорили, что в самом Дживане – третьей стране Нижнего царства – их можно купить гораздо дешевле, но даже у Торса, нынешнего мужа Ланы и отца Мели не хватило денег, когда он отправился туда за скакуном. В итоге ему пришлось два месяца жить в лесу на пограничных землях и грабить торговцев, чтоб приобрести коня и отдать его Лане в качестве приданного.

Впрочем, Лана почти сразу же отдала скакуна своей двоюродной сестре Пире в обмен на трех рабов и целую сумку золотых джейтунских донов. Именно этот скакун был запряжен в колесницу, в которой ехали Пира с Миной. Ласи его сразу узнала, и сердце тут же защемило от девичьей обиды на мать, которая не позволила им с Сотой красоваться на коне хотя бы до окончания лета.

Впереди, в первой колеснице, с факелом в руке ехала Кальта – самая старшая по статусу из верховных жриц Храма и настоятельница главного в стране монастыря Богини Тивеллы. Монастырь находился в пяти часах езды и престарелая Кальта выбиралась оттуда в Соркл крайне редко, только по особым случаям.

До жрицы было около пятидесяти шагов, и Ласи пришлось напрячь зрение, чтоб внимательно рассмотреть ее платье. И, нужно сказать, Ласи была не одна – на это платье сейчас уставилось едва ли не вся женская половина зрителей.

Говорили, что оно создано богами и передано ими в дар легендарной Хласе – первой Верховной жрице и основательнице Ривана, когда она с их помощью, согласно преданию, построила Главный Храм в монастыре Богини Тивеллы за считанные дни. Платье, несмотря на свой возраст, выглядело как новое и блестело под светом факелов тысячей ярких камней, похожих на маленькие звезды.

Ласи вздохнула. Ей никогда не суждено обладать таким платьем. Ни один мужчина, устрой она даже турнир, не способен найти где-либо подобную красоту. Потому что платье – одно на весь мир. Не считая, конечно, плащ Санары – королевы Джейтуна. Но даже сами джейтунцы говорят, что он ничто по сравнению с этим платьем.

– Видишь, видишь, у нее талия снизу раздваивается! – Ханна сразу же пошла в атаку, напомнив жаркий прошлогодний спор между камышинскими девочками вокруг платья. – А эта дрянь убеждала всех, что я выдумщица, и ты, между прочим, ее поддержала.

– Да, Несса была неправа, Ханн, я уже успела присмотреться.

– Ненавижу Нессу! Эта сука вечно меня опускает перед другими девочками.

– Я бы с ней переспал, – подал снизу голос Вил

– Начни с её мамы, она завтра устраивает турнир.

– Как турнир?! Кана решила устроить турнир? – от удивления Ласи пошатнулась и чуть не рухнула вниз, но Рон вовремя придержал ее за бедра.

– Как?! Ты не знаешь про турнир Каны?! Камыши уже неделю об этом судачат.

– Какой еще турнир в ее честь? Пусть спасибо скажет, если кто-то еще согласится с ней жить. Она же старая.

– Не сильно старше твоей мамы, Ласи, – напомнил Рон.

– Не сравнивай мою маму с этой опозоренной шлюхой! За мою мать хоть сейчас половина города прибежит и выстроится у шестов. Два года назад на ее турнире дралось восемь человек и трое погибли. Даже Торс после победы еще несколько дней не мог нормально ходить. И всех моих братьев и сестер мама рожала только после турниров.

– Но не тебя, хи-хи-хи.

– Заткнись, Вил. Я зачата богами. Можете смеяться сколько угодно, но пока никто не доказал обратное.

– И все же, Кана – очень соблазнительная женщина, – не успокаивался Вил, – хотя рисковать жизнью на турнире из-за нее не стал бы, конечно.

– А из-за меня стал бы?

– Зачем? Ты нам и так не отказываешь, хи-хи-хи...

– Скоты! И вот это ваша благодарность за мою доброту.

– Перестань, Ханна, ты ведь знаешь, как мы тебя любим. Расскажи лучше про турнир. Кто в нем будет участвовать?

– А я откуда знаю! Говорят, Карс будет драться, Рино вроде тож...

– Ну это совсем уже бред! – не выдержала Ласи – Карс не станет драться за эту старую каргу.

– А вот и станет!

Ласи знала Карса достаточно хорошо и никак не могла поверить, что один из лучших бойцов города согласился драться на турнире ради обладания какой-то старой потаскухой. Карс еще с юности был влюблен в Лану и трижды участвовал на ее Красных турнирах. Все три раза Ласи с Сотой втайне болели именно за него, но их фаворит вечно проигрывал. В последний раз, в схватке с Торсом, он чуть не погиб, но, слава Тивелле, все обошлось. Их будущий отчим лишь искалечил хорошенько бедного Карса, пока тот не потерял сознание и не выбыл из борьбы.

Ласи иногда представляла себе, как бы жила, будь она миряночкой и не посвяти себя Тивелле. И всегда, воображая свой Белый турнир, в числе первых, кого бы она отобрала, Ласи видела Карса – красивого атлета средних лет, не знающего страха. Однажды она даже представила, как сошлись в схватке Рон и Карс, и долго не могла решить, кто же должен победить и кому она подарила бы свою девственность.

Карс на турнире Каны... Интересно, что скажет Сота, шившая в свое время для их любимца кожаные ножны к кинжалу. А что скажет мама?! О, боги...

Пока Ласи переваривала новость о Карсе, колесницы выехали на площадь и под восторженные крики зрителей обошли по периметру арену, в центре которой была установлена священная Чаша.

Вокруг Чаши, лицом к зрителям, встали вайпиды – восемнадцать девушек и семь юношей – самые лучшие послушники страны. На самом деле, в этом году планировалось больше сотни жертвоприношений, но в первый день праздника Иды вознесутся именно эти двадцать пять – так в прошлом году решили Верховные Жрицы.

В конце каждого ежегодного Праздника Иды жрицы в столичном Соборе составляли список лучших ид – послушников со всех монастырей Ривана. Попасть в этот список было очень сложно – туда отбирали только самых статных, красивых и старательных. За нарушение правил монастыря и любое непослушание можно было навсегда попрощаться с шансами вознестись в Верхнее царство в числе лучших. А девушки, помимо прочего, должны были быть еще и девственницами.

– Вы только посмотрите на этого Карта! – Рон возмущенно указал в сторону Чаши. – Стоит с таким видом, будто всю жизнь только и делал, что возносился к богам.

– А что ты хотел? Он – вайпида, не чета таким, как ты. – хмыкнула Ханна.

– Что?! Да я этого абиланского выскочку на прошлую Иду целых два дня таскал за ухо и заставлял отмывать сортир – за себя и за всех, на кого он донес монахиням.

– Поосторожней, Рон, он теперь почти бог, а через пару дней, после вознесения, обязательно накажет тебя за такую дерзость. – вмешалась Ласи.

– А мне плевать. Я тоже вознесусь на следующую Иду и тогда посмотрим, кто кого накажет.

– Не загадывай. Сова с каждым годом кричит раньше предыдущего. Еще неизвестно, кого Тивелла примет, а кого нет. Я второй день хожу сама не своя от волнения.

Священная Сова жила в подвале Собора, куда могли входить только верховные жрицы. Они спускались туда раз в год, в последний день праздника, приносили дары и пели гимны. В это время Кальта читала молитвы, пока ее не прерывал крик священной Совы.

Сразу после этого Кальта, вместе с другими шестью верховными жрицами, торжественно считала, сколько молитв успела произнести – это и означало окончательное количество жертвоприношений на следующий Праздник Иды.

– А тебе-то чего переживать, Ласи? Тебя уж точно занесут в список лучших, если уже не сделали.

– Ой, не знаю, ребят. Даже мама не до конца уверена, что меня занесут. Она тоже очень переживает.

– Главное, чтоб эту дрянь Нессу не занесли. – прошипела Ханна. – Я не переживу этого.

– Меньше надо было с мужиками шляться, сейчас стояла бы за себя переживала, а не за Нессу. – оборвала ее Ласи.

Через сорок дней, после получения благословения богини Тивеллы, жрицы объявляли вайпид – тех из «списка лучших», кого богиня избрала для жертвоприношения себе. Простые иды попадали в обычный список – либо по выбору Тивеллы, либо по жребию. Они были предназначены остальным богам.

Хоть послушников приносили в жертву на всех праздниках, но люди давно заметили, что жрицы предпочитают подносить лучших из них именно летом – на Празднике Иды.

Некоторые даже пытались предсказать урожайность, исходя из того, сколько вайпид было принесено в жертву в первый день.

Простые риванцы с почтением относились к избранным жертвам, а вайпид и вовсе боготворили. Для жителей Ривана, от Соркла до крестьян глухих деревушек, считалось огромной честью и поводом для гордости иметь земляка среди вайпид. Их матери давшие стране вайпид – избранных самой Тивеллой – почитались до конца жизни, а отцам полагалось уважительное обращение «сол» и золотое кольцо на медальоне – мечту всех риванских мужчин.

Именно поэтому жители Лысой горы третий день важно расхаживали по Сорклу, подобно напыщенным индюкам. Уже несколько лет подряд жрицы и сама Тивелла будто специально выделяли эту деревню, раз за разом забирая в Верхнее царство большое количество лысогорских девушек и юношей.

Стоявшие вокруг Чаши то и дело окидывали взглядами площадь и счастливо улыбались. Ласи с Ханой отчаянно махали своим подругам-вайпидам и выкрикивали их имена, но те явно не замечали их в общем гуле голосов и рук.

Вайпиды готовились к своему главному танцу. Даже стоящие в отдалении зрители могли видеть, насколько много среди них выходцев с Лысой горы.

– Вчера лысогорские обнаглели до такой степени, что впятером, то ли вшестером забрели в Камыши и пытались ухаживать даже за замужними женщинами, – вспомнила Ласи, наблюдая как вайпиды закутились в танце, приветствуя жриц.

– Они что, совсем уже с ума сошли? Их убили?

– Нет. Торс, Лок и еще двое наших оттащили их к реке и хотели там утопить, но туда быстро прибежали мать с Тишей и другими женщинами.

– И?

– Что и? Набросились, наорали на мужей, а лысогорцы не растерялись и сразу улетучились, не мешкая. Видимо, до них, наконец, дошло, куда они сунулись.

– Да они вообще сумасшедшие. В Камыши только самоубийца может сунуться. – подал голос Рон.

– Я знаю одного кретина, который однажды туда сунулся и даже остался жив. – Вил прищурился и захихикал.

– Ну ты и сравнил, Вил, я был маленький тогда, а эти полезли ко взрослым, совсем чокнутые.

– Ну, чокнутые, не чокнутые, но Тише один из них красивый браслет подарил, она потом маме тайком от Лока показывала.

– Пффф... браслетом Тишу не получишь, – фыркнул Рон.

– Поцелуй он, по крайней мере, получил...

– И люлей от Лока тоже, хихихи...

– Точно, ахахаха, в нагрузку к поцелую.

Танец закончился хоровым пением "Тивелла, мать наша". Вскоре молитву подхватили все зрители и гимн верховной богине зазвучал во всю мощь тысяч голосов. Казалось, он доносится до самых небес, от бескрайних полей Джейтуна на востоке до белоснежных вершин Элулая – высочайшей горы к западу от Ривана, у подножья которой жили боги.

Семь Верховных Жриц страны во главе с Кальтой медленно поднимались по ступеням и вскоре вошли на арену, подойдя к вайпидам. Те взяли за руки и начался знаменитый танец Жизни, в исполнении избранных Тивеллой и готовых к вознесению вайпид. В Соркле любой ребенок умел танцевать этот танец, но вайпиды танцевали его по-особенному, чеканя каждый шаг и грациозно двигаясь по кругу. Танец Жизни – первое, чему учат всех послушников в первые полгода посвящения. Если хотя бы один ошибется в движении, танец будет уже не таким завораживающим и зрелищным.

Однако 25 избранных танцевали сегодня как боги. Они и были богами, если учесть, что до вознесения им оставалось всего два дня – сразу после сегодняшних торжеств их поместят в ладьи и на телегах отвезут к Элулаю.

Зрители ликовали. Даже всегда несерьезный Вил завороченно смотрел на происходящее, пытаясь приподняться на цыпочки и при этом не уронить Ханну.

"Наступит день, и я тоже станцую свой танец Жизни", – думала Ласи, восхищенно вглядываясь в танцоров и пытаясь запомнить каждое их движение.

Если исключить нервозность последних недель и появившуюся откуда-то неуверенность, всю свою жизнь она ни минуты не сомневалась, что Тивелла изберет ее в числе других. Сколько Ласи себя помнила, она всегда была уверена, что рано или поздно станет вайпидой, как ее мама.

Мама... Ласи вновь попыталась найти в толпе мать и братьев, но тщетно. В направлении южных ворот стояло слишком много людей, да и свет факелов, во множестве установленных через каждые несколько шагов, уже был не таким ярким, многие стали затухать и площадь постепенно погружалась во тьму, все плотнее обволакивающую яркую арену.

Вайпиды закончили свой танец и расступились перед Кальтой. Зрители замерли, наступила мертвая тишина. Казалось, вокруг арены нет ни единой души, можно было услышать даже журчание воды в городском канале.

Кальта вошла в круг и опустила факел в Чашу. Яркое пламя Священного огня из храма озарило всю площадь и она сразу же взорвалась многотысячным криком: "Ти ве ла! Ти ве ла!".

Соркл славил богиню Тивеллу, покровительницу Ривана, и просил у нее благословения.

В это время к остальным шести жрицам подошла группа людей, среди которых Ласи узнала свою мать, а также Тишу и еще с десятков женщин. Это была городская знать – женщины из Великих и Старших домов Соркла.

Толпа умолкла. Это было нечто совершенно новое и все ждали, что же произойдет дальше.

Вскоре ворота храма открылись и оттуда к арене направилась процессия из ид. Они несли на руках подносы. Ласи наконец догадалась, что происходит.

– Они несут угощения для раздачи. Мама будет раздавать их зрителям.

– Знаешь, Ласи, я бы сейчас и сам не отказался, если б твоя мама угостила меня куском баранины.

– А ты сходи подойди к ней, мы тебя подождем здесь, Рон.

– Я бы и вправду сходил, но боюсь, единственное, чем она меня угостит – это хорошей оплеухой.

– Вот и я о том же. Скажи спасибо, что она тебя здесь не прикончила.

– А зачем ты ей вообще рассказала, Ласи?

– Ну а что по-твоему мне надо было ей сказать, когда явилась домой в полночь, вся в слезах, ссадинах и в разорванном платье? Она сама все поняла.

Началась раздача жертвенного мяса. Люди из задних рядов стали продвигаться ближе к арене, чтоб получить свой кусок варенной баранины. Лана стояла рядом с Тишей и обслуживала очередь – она выстроилась к ней сразу же и была длиннее даже "жреческих" раза в два. Люди старались попасть к Лане и принять угощение Тивеллы именно из ее рук.

"Наверное, тётя Пира уговорила", – думала Ласи, глядя на мать. Ей было немного обидно, что мама ни словом не обмолвилась с ней о том, что придет на церемонию. Впрочем, в последнее время между ними скопилось столько недопонимания и ссор, что подобное поведение матери нисколько не удивляло Ласи.

Ее внимание отвлекло новое зрелище – над толпой, словно по волнам, по рукам людей «плыли» богато украшенные ладьи, направляясь к месту жертвоприношения. Их аккуратно положили на церемониальные телеги, после чего туда стали усаживать вайпид.

Процессия из множества карет под предводительством Кальты начала свое путешествие к подножью Элулая. Люди под звуки гимна восторженно кричали в след, а иды в храмовых одеждах осыпали колонну лепестками цветов. Жертв отвезут к Пещере и оставят там, чтоб вернуться в Соркл с дарами Тивеллы.

Первый день праздника заканчивался, народ вокруг собирался в кучки и обсуждал как церемонию, так и насущные проблемы, слухи, сплетни – все как обычно.

– Все, ребят, я пошла, – засобиралась Ласи, соскакивая с Рона.

Мальчики предложили проводить сначала ее, потом Ханну, но она отказалась от сопровождения. День выдался богатым на новости и впечатления, ей хотелось немного побыть одной и поразмышлять, тем более, что до дома от поля идти было не так уж долго. Да и пересекаться еще раз с мамой Ласи не хотела – чего доброго еще заставит с этими двумя оболтусами, младшими братьями, нянчиться.

Глава 3 Нижние сады

Попрощавшись с друзьями, Ласи направилась к дому через Нижние сады – так было короче всего до Камышей – ее родного квартала.

Она сделала всего несколько шагов по пыльной тропинке, как почувствовала какую-то непонятную тревогу.

Ласи оглянулась.

Тишина...

Сады лежали в лунном свете, тихие, привычные, пустые... но что-то было не так. Чужое присутствие не отпускало.

Чтобы отвлечься, Ласи ускорила шаг и шла не оглядываясь. Мысли постепенно потянулись к Карсу, к его решению участвовать в турнире Каны. Ей было неприятно об этом думать.

Карс, прославленный воин, которого многие считали чуть ли не лучшим мужчиной Соркла, теперь выйдет на Красный турнир, чтобы драться за какую-то опозоренную старуху, словно пробуя силы неопытный юнец или немощный старик.

Зачем ему это? Почему он участвует? Неужели, ему не на ком больше жениться? Что он нашел в этой Кане? Что подумает мама, когда узнает? Она всегда говорила, что Карс выше всех этих пустых развлечений.

Мысли, мысли... Постепенно им удалось отвлечь ее и сделать шаги более спокойными и уверенными.

Лана, с её холодной гордостью и привычкой держать всё под контролем, наверняка воспримет эту новость как личное унижение.

Ласи представила, как Лана молча садится у окна, стискивает губы и долго смотрит вдаль, будто пытаясь увидеть там Карса. А потом – бросит что-нибудь едкое, короткое, но от этого только более болезненное. “Я прощаю. Тивелла не простит”, – наверняка скажет она. И Ласи знала, что не сможет ничего возразить. Её собственные чувства были слишком запутанными: то ли злость на Карса, то ли обида за мать, то ли сочувствие к обоим.

Шорох.

Ласи резко обернулась – но увидела лишь яблоню, раскачанную ветром.

И всё-таки сердце сжалось – там кто-то есть.

Она пошла дальше, пытаясь дышать ровнее. Ноги сами вели знакомой дорогой...

Ещё будучи маленькой девочкой, Ласи обожала играть в Нижних садах. Она пропадала здесь с утра до вечера, пока покойная няня Истора не приходила за ней, чуть ли не за шкуру утаскивая домой. Она знала эти места, как свои пять пальцев: каждый поворот, каждый пригорок, каждый мостик через канал, служивший границей между “владениями” камышинской и красногорской детворы. Здесь они с Ханной впервые выиграли в баташку, здесь же она четыре года назад познакомилась с Роном.

Рон... Им было по тринадцать лет. Камышинские, как всегда, играли на “своей” земле в пакосу – турнир на поцелуй. Мальчишки бились за девочек, не гнушаясь тянуть друг друга за волосы и толкаться, а девочки соревновались, у кого больше ухажёров. Больше всего мальчиков выставлялось за Ханну – красивую, улыбчивую девочку с русыми кудряшками и огромными голубыми глазами. Турниры в её честь неизменно заканчивались шумным мордобоем, что порождало жгучую зависть у остальных девочек. Ласи не была исключением. В те годы она была настоящим гадким утенком – напоминала скорее мальчика, чем девочку, и знала, что в сравнении с Ханной у неё нет шансов.

Как всегда, выигрывал Берт – крепкий, свирепый мальчишка, сын Тиши, маминой соседки и подруги. Ханна уже готовилась объявить его победителем и, как полагалось, награждать поцелуем в щёку, когда со стороны Яблоневого моста донёсся шум. Все разом обернулись.

Из-за поворота лениво шагал мальчишка. Он что-то кричал, но его слова тонули в общем гомоне. Ласи невольно сжала губы. Красногорских здесь не жаловали. Камышинские мальчишки ловили их при любом удобном случае, гоняли, а если удавалось, и нещадно били. Бывало, конечно, что драка заканчивалась в пользу Красной горки, но тогда уже камышинские девочки насмеялись над своими мальчишками, а красногорские держались так, будто стали королями дворов.

Но этот... этот шёл, будто ему было всё равно.

– Эй, что вы тут делаете?

– А ты что, крыса, здесь потерял? – красный и запыхавшийся после недавней драки Берт грозно двинулся в сторону красногорского наглеца.

– Меня зовут Рон и я не крыса, запомни это, свинья жирная.

Все сразу оживились, начался галдеж. Такого в Камышах еще никто не видел – чтоб красногорский сам лез в драку, да еще и один, еще и на "земле" камышинских...

Мальчишки тут же окружили Рона и стали отпускать реплики, пока Берт важно снимал с себя куртку, которую до этого уже успел застегнуть и затянуть ремнями.

– Меня зовут Ханна, эта пакоса в мою честь. Если ты хочешь получить мой поцелуй, ты должен победить Берта, потому что он уже выиграл у остальных, – важно продекларировала Ханна.

– Я не буду за тебя драться.

Девочки согнулись от хохота, мальчишки тут же закидали Рона издевками, обвинив его в трусости.

– Я не сказал, что не буду драться.

– Ты только что это сказал, мы все слышали!

– Я сказал, что не буду драться за эту толстуху.

– Что ты сказал?! – Ханна взвизгнула, вспыхнув от злости. – Берт, убей это животное! Я хочу, чтобы ты выкинул его в канал с моста!

Теперь уже девочки захихикали, но на этот раз над Ханной. Зависть взяла своё, и даже Ласи, лучшая подруга Ханны, не удержалась от злорадной ухмылки. Капризная и избалованная вниманием, Ханна впервые оказалась в такой унижительной ситуации и не смогла сдержать слёз. Губы её задрожали, лицо покраснело, и, отвернувшись, она всхлинула.

А тем временем драка уже шла полным ходом. Мальчишки образовали круг, хлопали в ладоши, подбадривая Берта, и наперебой выкрикивали, насколько "страшные" ушибы уже получил красногорский выскочка. Рон и Берт катались по земле, сцепившись, как два молодых волка, не желающих уступать друг другу. Девочки сбились в стайку чуть поодаль, но теперь громко болели уже за Рона.

Одна только Ханна, встав в стороне, сжала кулачки и напряжённо наблюдала за каждым движением Берта.

Рон победил, разбив Берту нос и поставив ему два огромных фингала. Ликованию девочек не было предела. Ласи стало неудобно, и она подошла обняла Ханну, пытаясь успокоить рыдающую подружку.

– Эй, мальчик! А за кого из нас ты дрался? – обратилась к Рону Несса – вторая по популярности и красоте девочка после Ханны. – Если хочешь, я могу тебя поцеловать.

– Сдался мне твой поцелуй... Я дрался вон за ту худышку! Пусть она подойдет и поцелует меня! И не в щеку, а в губы, как у нас на Красной горке принято.

Снова шорох.

Ласи обернулась мгновенно.

Никого.

Но в этот раз она явно услышала шаги и была почти уверена – кто-то идет за ней, прячась за деревьями.

Любопытство Ласи тут же пересилило ее страх. Кто это мог быть? И зачем он следит за ней?

Ни один мужчина Соркла не стал бы так унижаться и трусливо подкрадываться к кому бы то ни было. "Это, наверное, кто-то из рабов, пытается что-то мне сказать, но не решается", – успокаивала себя Ласи.

Ей стоило невероятных усилий не сорваться на бег и удержать себя в воспоминаниях о той пакосе.

Ласи вспомнила, как тогда вспыхнула от смущения. Она всего два раза в жизни устраивала пакосу и оба раза никто за нее не хотел драться, из-за чего ее потом подвергали насмешкам все Камыши, даже старухи. Потом мама уговорила устроить еще один турнир, Ласи не хотела этого делать, но приставленная в тот день к ней няня сама его объявила.

Как ни странно, на этот раз драться вызвались сразу трое мальчишек, включая "звезду турниров" Берта, который и победил. Ласи была на седьмом небе от счастья, когда целовала его в щеку.

А потом... Потом Несса рассказала всем, что мальчишкам велела драться Тиша, по просьбе Ланы. Самой Нессе рассказала об этом, как потом выяснилось, ее мать, Кана, которой в свою очередь по секрету поведала мать одного из мальчишек.

Ласи до сих пор помнила это страшное унижение, когда она шла по Камышам, словно оплеванная, и ловила насмешливые взгляды чуть ли не с каждого окна и калитки. Она в те дни каждый вечер ходила к обрыву у Красной горки, садилась у того самого камня, который сегодня утром украсил Рон, и плакала, плакала, плакала...

Кане досталось от Ланы так, что она теперь будет помнить тот ужасный для нее день всю оставшуюся жизнь. Лана вытащила ее за волосы из дома, не обращая внимания ни на крики Каны, ни на плач детей, ни даже на лай собак, рвущих ремни в попытке наброситься на нее.

Мать тащила ее к реке и клялась прямо тут же утопить ее в ней, как только дотащит. Кана сперва отбивалась, кричала, угрожала, но Лана останавливалась лишь затем, чтоб пару раз стегануть ее выдернутым из забора деревянным шестом.

Под конец, Кана вся в слезах вымаливала пощаду, падала, Лана пинала её, тащила за волосы, заставляла вставать – перепуганной Ласи казалось, что это продолжалось бесконечно.

Весь квартал сбежался посмотреть на расправу, но никто не рискнул вмешаться, так как все знали, насколько страшна в гневе Лана Нортон и предпочитали с ней не связываться. Тем более, что статус избранной богами вайпиды делал ее неприкосновенной – за любое обидное слово и, тем более, рукоприкладство виновнику грозило изгнание из Ривана, а в некоторых случаях и вовсе – позорная казнь. Поэтому, даже среди многочисленных поклонников Каны не нашлось ни одного заступника.

Ласи поймала себя на мысли, что она, дочь грозной и всегда уверенной в себе Ланы Нортон, идет сейчас по Нижним садам, сгорая от любопытства и обуреваемая страхом – двумя чувствами, которые маме были неведомы.

Кане все же удалось вымолить прощение, когда Лана уже в третий по счету раз окунала ее в мутную воду Волсы, а потом ей пришлось грязной, мокрой и избитой идти через почти все Камыши к дому, слыша за спиной оскорбления Ланы и других соседок.

Впрочем, хоть эта история и восстановила статус Ласи среди взрослых, как уважаемой дочери уважаемой матери, на ее сверстниц это не распространилось. Они продолжали дразнить и издеваться над ней каждый день.

И только Ханна её пожалела и старалась не давать в обиду. Именно тогда Ханна впервые избилла и до крови исцарапала Нессу – за Ласи. А потом еще и запретила Берту драться за Нессу, угрожая в противном случае никогда его не отбирать на свои турниры.

И после всего пережитого, после всех унижений, отважный мальчик из Красной горки, как оказалось, дрался именно за нее и теперь требует заслуженного поцелуя!

Ласи шла вдоль яблонь и невольно улыбнулась, вспоминая, насколько глупо вела себя в тот момент. Поначалу она даже не знала, куда себя деть от смущения, затем ее обдало страхом и безнадежной тоской от страшной догадки, что это опять мама подговорила мальчишек.

Рон, между тем, по очереди знакомился с детворой – сначала, как полагается, с девочками, потом с Бертом и с остальными мальчиками. "Нет, это вряд ли мама подстроила", – пронеслось в голове Ласи – "Этот мальчик здесь никого не знает".

Она бросала робкие взгляды на Рона, пока Ханне это не надоело и она грубо не подвела подругу за локоть к мальчишкам.

– Ну! Целуй меня! – выкрикнул Рон.

Ласи, наконец, решилась, подошла к нему, закрыла почему-то глаза и поцеловала в щеку.

– Нет! Я хочу, чтоб ты в губы поцеловала, как наши девочки.

– Вот еще! Я не буду тебя целовать в губы.

– Почему это?! Я честно выиграл драку. Спроси у вашего Берта, если ты ослепла и не видела ничего.

Ласи не нашлась, что ответить, но тут вмешалась Ханна, которая никогда за словом не лезла в карман.

– Послушай, заморыш, это наша земля и мы здесь целуем мальчиков только в щеку. Если тебе не нравится, проваливай в свою Красную горку и целуйся с вашими деревенщинами в губы сколько душе угодно.

– Эй-эй, полегче! Это ваши Камыши – деревня! А наши девочки уже все меня целовали по многу раз, теперь это будете делать вы все, по очереди.

– Это мы еще посмотрим, – вскипел, не выдержав, Берт, – Ты явился, когда я уже три раза дрался и устал.

Берт с Роном дрались потом еще много раз, с переменным успехом. И, несмотря на то, что Рон, бывало, проигрывал Берту и другим мальчишкам турниры, все же он успел за ту осень перецеловаться со всеми девочками в губы – сначала он добился этого от Ласи, а потом и остальные девочки одна за другой стали целовать победителей, в том числе Рона, в губы, как это было принято среди красногорских.

Мама и другие взрослые постоянно ворчали и морщились по этому поводу, обзывая красногорских женщин деревенщинами и развратницами, которые не могут уследить даже за играми своих детей. Они пытались запретить целоваться в губы, но потом, видя бесполезность своих усилий, постепенно перестали. Тем более, что год спустя все целовались друг с другом уже по-настоящему, в засос и в обнимку.

Рон так и остался на "камышинской" части Нижних садов, подружившись с мальчишками и влюбив в себя добрую половину девочек, включая Нессу и Ханну. Второй раз Ханна избилла Нессу из-за Рона.

“Да, точно, это было следующим летом,” – вспоминала Ласи. Она пыталась восстановить в памяти, из-за чего началась та ссора, плавно перетекшая в драку, но вдруг снова услышала шаги.

Всё внутри сжалось от необъяснимого предчувствия. Она резко обернулась – и тут же увидела, как чей-то силуэт скользнул за яблоню.

Точно!

Кто-то там явно прятался.

– Эй, кто там? Подойди, не бойся, я тебя не съём.

Тишина. Был слышен только шелест листьев на яблонях.

– Подойди, кому говорю! Иначе я сама подойду, и тогда тебе не поздоровится.

От дерева отделился силуэт и стал приближаться к Ласи. Вскоре лунный свет озарил его лицо, а еще через пару шагов он стал виден полностью.

– Ты?!

Ласи обдало целым букетом эмоций. Сначала – ярость, горячая, как огонь, потом – отвращение, липкое, неприятное, словно грязь, прилипшая к коже. Желание поскорее уйти отсюда было таким сильным, что ноги сами понесли её вперёд. Она резко развернулась, продолжая путь, не сказав больше ни слова джейтунцу. А это был он – тот самый, который разглядывал её на празднике.

– Эй, подожди, красавица, у меня к тебе дело.

– Ещё раз скажешь “Эй”, останешься тут лежать навечно. Проваливай отсюда!

Ласи даже не обернулась, не сбавила шага.

– Ну подожди, пожалуйста! Посмотри, что у меня есть, ты такого никогда не видела, ручаюсь!

– Проваливай, я сказала.

– Послушай, просто посмотри сюда, красавица. Если не понравится – уйдёшь.

– Мне ничего не нужно.

– Ну же, прошу тебя...

– Пошёл к чёрту, грязный урод.

– У меня есть благовония, сделанные богами. Во всём мире нигде больше нет такого, клянусь.

Ласи резко остановилась и повернулась. Теперь, когда он стоял достаточно близко, свет луны выхватил его лицо – и первое, что бросилось в глаза, были огромные выпученные зрачки, словно не вмещавшие в себя всего увиденного.

Эти глаза смотрели на неё так, будто не могли насытиться зрелищем.

– Покажи.

Джейтунец снял с плеча сумку, опустил на корточки и, суетливо шурша тканью, начал копаться в ней. Вскоре он выудил глиняный флакон и протянул его Ласи.

Едва она приоткрыла пробку, как поняла, что незнакомец не лгал. Такой божественный аромат не мог исходить от обычных благовоний. Этот запах не просто дурманил – он был совершенным. Нигде и никогда она не встречала ничего подобного.

Женщины Соркла и других городов Ривана любили благовония. Некоторые готовили их сами, по рецептам, передаваемым из поколения в поколение. В составе самых дорогих духов были редкие травы и смолы, из-за чего позволить их могли лишь знатные дамы. Но ни одно из благовоний, которыми пользовалась её мать или Пира, даже не приближалось к этому аромату.

Ласи снова вдохнула этот волшебный запах, словно надеясь запомнить его навсегда, а потом, с сожалением, вернула флакон джейтунцу.

– Нет, забери обратно и спрячь. Спасибо, конечно, что ты столько прошёл за мной, но мог бы сразу подойти.

– Тебе не понравился запах? – в голосе незнакомца прозвучало искреннее недоумение.

– Очень понравился. Но, боюсь, мне такое не по карману. Не хочу расстраиваться, начав торговаться.

Джейтунец вдруг заулыбался, и Ласи передёрнуло. Мать Тивелла, какие же у него уродливые зубы...

– Тебе не надо ничего платить, красавица. Вернее, ты можешь расплатиться со мной иначе, а я за это дам тебе несколько капель. Их хватит до зимы, клянусь.

Ласи нахмурилась.

– Что значит “иначе”? – спросила она, хотя мысленно уже знала ответ.

– Я имею в виду, что подарю тебе этот божественный аромат... если ты не откажешь мне в близости.

Если бы её ударили по голове камнем, это потрясло бы её меньше. Она почувствовала, как мир вокруг замер.

– Ты...

Слова застряли в горле. Она не знала, что сказать – отвращение и шок сдавили ей грудь. – Эй, не будь глупышкой, красавица. Давай отойдём к тому дереву, и всё быстро закончим. Тебе тоже будет приятно. Не бойся, никто не узнает.

Его голос был омерзителен. Маслянистый, тянущийся, как дешёвое вино.

Шок сменился бешенством. Гнев вспыхнул мгновенно, резко, ярко, как пламя, которому не хватало лишь искры.

Её рука сама скользнула за пазуху. Пальцы сжали рукоятку. Мгновение – и клинок уже был у него под носом. Джейтунец не успел даже моргнуть. В следующее мгновение он уже лежал на траве, широко раскрытыми глазами испугано глядя на сверкающее лезвие, которое неприятно колело его глубоко в левую ноздрю.

Уроки Торса не прошли даром.

Первое время после уплаты приданного и переселения в дом Ланы, Торс, желая угодить детям и заслужить доверие домочадцев, обучал их разным премудростям.

В том числе и этим.

– Ты хоть знаешь, кому ты это предложил, ублюдок?! Я – Ласи, дочь Ланы Нортон, послушница храма Тивеллы и скоро стану вайпидой. Ты понимаешь, урод, что с тобой будет?

Когда становилось слишком больно, незнакомец начинал хрипеть, постанывать, отчаянно хватать Ласи за руки и плечи. Старался вывернуться, но она, навалившись на него сверху, засовывала нож ему в ноздрю еще глубже. Кричать он при этом даже не пытался, из чего Ласи сделала вывод, что в Риване он не впервые и достаточно хорошо изучил местные порядки.

Джейтунец знал, что его сразу же прикончат за такое, как только прибегут на крики.

– Прошу тебя, госпожа, умоляю, отпусти меня! Не убивай! Пожалей моих троих детей, не лишай их кормильца!

– Откуда у тебя этот флакон?

– Их привез из Дживана наш староста Демис. Не убивай, прошу тебя!

– Отдашь мне все флаконы и можешь катиться ко всем чертям, я тебя не трону.

Джейтунец на минуту опешил. По всей видимости, так нагло его еще никто не пытался ограбить. Да и сама Ласи никому не смогла бы сейчас объяснить, с чего это она, воспитанная ида из знатной семьи, вдруг решила заняться грабежом. По всей видимости, сказалась ярость – она пришла в бешенство от такого унижительного предложения и мысли теперь крутились только вокруг того, как пожестче наказать подонка. Да и запах духов пьянил своим совершенством и будто подсказывал, как их заполучить.

– Но я не могу, поверь мне! – запричитал он. – Эти благовония принадлежат Демису, я лишь продаю. Да и нет их больше – мы все распродали.

– Я начинаю уставать от тебя. Все флаконы. Мне. Это цена за твою жизнь. Плати или сохнешь прямо сейчас.

– Прошу тебя, госпожа, выслушай...

– Я уже наслушалась.

Ласи слезла с него, не убирая лезвие и крепко держа за рукоятку.

– Двинешься – убью. Давай сюда свою сумку.

Ей пришлось одной рукой придерживать нож, второй вытряхивать содержимое сумки. Оттуда выпал кусок ткани, два простеньких украшения для волос и огромный тесак.

– А это тебе зачем? Ты что, еще и мясо продаешь?

– Ну мало ли зачем, у вас опасный город, вдруг красавица какая-нибудь нападет...

– Я смотрю, ты расслабился, жирная свинья? Где флаконы?

– У меня только один остал...

– Значит, ты умрешь прямо сейчас. У тебя хороший тесак, как раз подходит, чтоб зарезать свинью вроде тебя и не испачкаться.

– Послушай... ну поверь...

– К скольким еще женщинам ты подходил?

– Ты первая, клянусь! Мы только сегодня приехали и сразу пошли на поле, чтоб успеть к Открытию.

– А кто тебе, щуплый ублюдок, вообще сказал, что риванку можно добиться, предложив ей благовония?

– Герлоту вчера удалось уговорить одну старуху в Лостеле, потом еще двое наших под утро к ней ходили...

– Я похожа на старуху?!

– Нет, клянусь тебе! Я хотел найти кого-то из них в толпе, но сразу же потерял голову, как только увидел тебя. Прости меня, я не хотел тебя оскорбить.

– Флаконы.

– У меня только этот, клянусь! Отпусти меня! Ты и так отобрала у меня все мое состояние.

Ласи встала, забрав тесак и кинув ему сумку. Ей захотелось поскорее домой. Она уже успела остыть и успокоиться. Убивать джейтунца ей не хотелось вовсе, да и не смогла бы она это сделать, только пугала.

– Забирай сумку и проваливай отсюда.

– А мой нож?

– Я похожа на дуру?

Глава 4 Карс

Руки Ханнны не останавливались ни на миг. Она сосредоточенно собирала новое ожерелье, разорвав нити двух старых – своего и ласиноного. Вдевая нить в очередную бусинку, она отводила ожерелье подальше от глаз, слегка приподнимала голову и любовалась собственной задумкой: разноцветные камни красиво чередовались с белыми бусинами из подаренного Ласи ожерелья.

– Ты уже задрала дёргаться, Ханн, сиди спокойно, – раздражённо бросила Ласи, потянув подружку за только что заплетённую косичку. Голова Ханнны дёрнулась.

– Ой, больно!

– Вот заплету всё криво-косо, будешь знать.

– Долго тебе ещё? Я уже почти закончила ожерелье.

– Терпение, я тоже заканчиваю.

Ласи всегда нравилось делать Ханне причёски. С самого детства она с удовольствием садилась укладывать её волосы по первой же просьбе. Можно было придумывать любые причудливые формы – они всё равно идеально подходили её хорошенькому личику.

– Всё же, Ханн, таких роскошных волос больше ни у кого нет во всём Соркле.

– Ой, не преувеличивай! Хотя... Вил тоже говорит, что у меня красивые волосы. Он просто обожает с ними играть.

– А что ещё он любит? Рассказывай!

– Любит кусать за мочки ушей, когда лежит сверху, потом ещё сильно сжимает в руках мою задницу, когда переворачиваемся. Если бы он всё время не болтал и не хихикал при этом, цены бы ему не было.

– И что, ты теперь отказываешь ему только из-за того, что он хихикает?

– Я отказываю, потому что он кретин. Сто раз запрещала делать это в меня, но ему плевать.

– А тебе-то что? Ты же заколдована и не забеременеешь.

– Ой, Ласи, сразу видно, что ты девственница. Понимаешь, это очень неприятно, из тебя всё течёт, всё липкое... брр! Аж убить его готова прямо на месте.

– А Рон?

– Что Рон?

– Ну, расскажи, не ломайся.

– Я тебе уже сто раз рассказывала и про Рона, и про Вила, и про Берта, и про Торса...

– Про Торса лучше не напоминай. Мама нас обоих убьёт, если узнает.

– Ну а что такого, Ласи?! Красивый мужик, целыми днями ходит у вас по дому необласканный и никому не нужный. Твоя мама ещё спасибо должна мне сказать.

– Вот ещё!

– Ты скоро там? Турнир уже наверняка начался, а мы ещё даже не собрались. А может, он уже и закончился – Кану там, наверное, победитель зацеловал и облапал уже.

– Я заканчиваю, не шевелись.

– Слушай, Ласи, он до сих пор чувствуется! Ты ведь мне ещё утром капнула, а он и сейчас пахнет так, будто ты только что это сделала. О, боги, какой приятный запах...

– Да успокойся ты, дам я тебе твои пять капель, не переживай.

– Ты сегодня сама щедрость, моё солнце. Смотри, какое ожерелье получилось! Красота! Несса ослепнет от зависти.

Небольшой луг перед Задами, где находился двор Каны, они преодолели быстро. А вот пригорок перед самыми домами отнял у них гораздо больше времени – девушкам пришлось осторожно ступать с камня на камень, приподняв подол, чтобы не запачкаться.

– Как же надоели эти дожди, будь они прокляты! – ворчала Ханна, балансируя на одном камне и пытаясь каким-то пучком листьев очистить туфельку от огромных комков липкой грязи. – Каждую ночь льют и льют, конца им нет. Я надеялась, хотя бы летом будет сухо, но куда там!

Ласи хотела подойти и помочь ей, поддержав за локоть, но вдруг заметила, как выше по склону, шагах в двадцати правее, двое молодых людей осторожно спускаются вниз, неся на носилках окровавленного мужчину.

Одного мимолётного взгляда на него хватило, чтобы сердце неприятно сжалось.

– Карс! Ей, подождите! Пойдите!

– Ласи, ты куда? Давай останемся здесь! Слышишь?! Ну куда ты поперлась по грязи, тупая овца! Пусть они к нам подойдут!

Ласи не слушала Ханну. Почти не глядя под ноги, она ловко прыгала с камня на камень, быстро сокращая расстояние между собой и носилками.

Ханна, громко ругаясь, поплелась за подругой, дважды чуть не соскользнув и едва не растянувшись во весь свой рост в рыхлой грязи.

Ласи склонилась над Карсом, и из её груди вырвался сдавленный всхлип. На его лице не осталось живого места. Волосы слиплись от крови, обе брови рассечены, а вместо глазных впадин – две огромные кровавые опухоли. Нос разбит, губы распухли, и изо рта всё ещё стекала кровь. Всё его лицо было сплошной раной, словно по нему прошёлся табун лошадей.

– Кто его так?

– Сначала ему досталось от Варта, но Карс его победил. – Голос одного из парней звучал спокойно, почти буднично. – Потом против него вышел Рино и забил до смерти.

– Как “до смерти”?! – Ласи резко выпрямилась. – Он мёртв?!

– Да, только что умер, там, наверху. Мы несем Карса в дом нашей матери, готовить к похоронам. Ты знала нашего дядю?

– Да. Он трижды бился на турнирах за мою мать.

Парни переглянулись.

– Трижды он бился только за Лану Нортон из Камышей. Ты её дочь?

– Да. Я – ида Ласи, дочь Ланы.

– А эта девушка – твоя сестра Сота?

– Нет, это ида Ханна, дочь Эрсы. А моя сестра сидит дома, мама запретила ей сюда идти.

– У нас есть дело к Соте. – парень посмотрел на носилки. – Карс просил, если с ним что-нибудь случится, отдать ей диадему. Он привёз её с джейтунского набега на земли айванов и утром передал мне перед турниром.

Ласи вспомнила... На очередной маминой свадьбе Карс торжественно дал Соте слово: выйти на её первый турнир и победить в нём всех, чего бы ему это ни стоило.

Ах, Карс... Карс... Что ты наделал...

– Я могу вас проводить к нам во двор, если хотите. Мама, наверняка, захочет проститься с Карсом.

Она сказала это из вежливости, не зная, как поведёт себя мать на самом деле.

– Да, Ласи, это было бы правильно. – Важно сказал один из племянников, многозначительно глядя на неё.

Они поняли друг друга без слов.

Слезы Ланы сразу после гибели Карса и всё, что она скажет, непременно перескажут на похоронах.

И когда будут перечислять его достоинства и подвиги, безбожно преувеличивая каждую деталь и напуская побольше драматизма, в рассказе о том, как сама Лана Нортон безутешно рыдала над телом Карса, его три знаменитых поражения на турнирах за неё будут звучать уже не как неудачи, а как часть великой легенды.

“Да, мамины слёзы подсластят горечь этой истории,” – думала Ласи.

Но будет ли Лана оплакивать? Выйдет ли вообще во двор?

Она не знала.

Карс погиб в бою за Кану – женщину, которую мама ненавидит всю жизнь. Лана могла запросто проигнорировать процессию и даже Соту не отпустить попрощаться с Карсом. Эта мысль угнетала Ласи.

Но вслух она сказала другое:

– Перед тем как нести Карса к нам, нужно отойти к ручью и хоть как-то омыть ему лицо. Он весь в крови. Я не хочу, чтобы Сота это видела.

– Конечно, Ласи. Покажи, где тут удобнее сделать это.

Ласи осторожно промывала волосы Карса, наблюдая, как кровавые потёки исчезают в воде, растворяясь в прозрачном ручье.

Рядом Ханна полоскала его рубашку, бормоча что-то недовольное, но, несмотря на протесты, не оставила подругу разбираться в одиночку.

Спешка и нетерпение Ханны были очевидны – она хотела успеть хотя бы на финал турнира. Но Ласи всё делала медленно и аккуратно. Даже если мать не выйдет проститься с Карсом, пусть хотя бы на похоронах племянники расскажут, что его тело омывала собственноручно старшая дочь дома Нортонов.

Эта мысль немного успокаивала и помогала справиться с тревогой.

Ласи было немного обидно, что Карс решил оставить диадему Соте. Да, Сота была влюблена в него с самого детства, но разве Ласи сама не была всегда благосклонна к Карсу?

“Сота всё-таки красивее меня,” – ревниво подумала она, прижимая подорожником рану на рассечённой брови Карса.

Но в глубине души Ласи всё же была благодарна ему. Эта диадема хоть как-то утешит Соту и придаст ей, пятнадцатилетней девочке, только-только вступающей во взрослую жизнь, вес среди подруг и друзей.

Теперь она не только “Сота, дочь Ланы Нортон”. Теперь она – “Та самая Сота”.

Можно было не сомневаться – все лучшие бойцы Ривана, услышав про завещание Карса, известного героя Мокрой войны, увещают ограду особняка Нортонов своими медальонами и будут выставляться на первый турнир Соты с куда большим рвением. Чтоб лишить ее девственности и стать отцом первенца, вместо Карса.

Вместо Карса... Скоро кто-то будет строить планы и вместо меня...

Родившись первой, Ласи отобрала у Соты право вознестись в Верхнее Царство при жизни. Так пусть хотя бы в Нижнем у любимой сестрёнки сложится счастливая судьба, думала она, одевая покойного при помощи Ханны и племянников Карса.

Во дворе взрослых не было. Мальчишки играли в галатки у огородов и, увлечённые игрой, даже не заметили траурную процессию.

Ласи подозвала Монка – старшего из братьев – и отправила к матери с “горестным известием”. Обычно непослушный и упрямый, он, завидев Карса на носилках, сразу подобрался и без лишних слов юркнул в дом.

Ласи нетерпеливо смотрела на дверь, но никто не выходил.

“Могла бы хотя бы Торса прислать,” – мысленно возмутилась она.

– Мама сегодня с утра не в настроении, – тихо сказала она племянникам, чувствуя, что придётся как-то объяснить, почему никто не вышел к ним.

В этот момент дверь распахнулась, и со слезами на глазах выбежала Сота.

Она даже не переоделась – на ней был старый синий халат, который ещё два года назад достался ей “в наследство” от Ласи, и лёгкие лосты.

Носилки с телом стояли на скамье у калитки.

Сота бросилась к ним, склонилась над Карсом и беззвучно зарыдала. Её тело тряслось, она хватала ртом воздух, словно задыхаясь от собственной боли.

При виде сестры у Ласи самой защипало в глазах. Она шагнула вперёд, обняла Соту за плечи, крепко прижала к себе, пытаясь успокоить.

И тут со двора вдруг раздался голос:

– Я надеюсь, эта старая шлюха хотя бы попрощалась с ним?

Ласи вздрогнула.

Она обернулась и увидела Лану.

Мать выходила из калитки, одетая в траур, ведомая за руку Монком. Торса с ней не было – видимо, он из деликатности решил остаться в доме.

Но отсутствие Торса было не главным. Гораздо важнее – Лана надела траур.

Она вышла не просто так.

Ласи облегчённо вздохнула.

Слава тебе, Тивелла!

– К сожалению, нет, почтенная вайпида, – поклонился один из племянников Карса. – Она даже носилки нам давать не хотела. Говорила, что на всех бойцов не напасёшься.

– Тварь! – Лана сжала кулаки. – Какая же ты тварь, Кана, да услышат боги мои проклятия! Как же я жалею, дети, что не утопила тогда эту бессердечную гадину!

Она глубоко вздохнула, затем выпрямилась и сказала ровным, почти ледяным голосом:

– Отойдите.

Никто не двинулся с места.

– Оставьте меня одну. Все!

Сота посмотрела на мать снизу вверх, в глазах ее читалась мольба, но Лана лишь резко кивнула в сторону дома:

– Тебя это тоже касается.

Когда все отошли, Лана опустилась перед телом Карса на колени.

Она провела пальцами по его лицу, как будто гладила спящего.

А потом внезапно заголосила на всю округу.

Она называла его лучшим из мужчин, которых когда-либо видел Соркл, да и весь Риван.

Она укоряла его за то, что он ушёл, оставив лучших и знатных женщин страны без самого желанного из мужей.

Она воздела руки к небу и упрекала богов за то, что они решили забрать обратно свой самый ценный дар женщинам Ривана.

Лана плакала навзрыд, громко, надрывно.

Никто никогда не видел её такой.

Ласи смотрела на мать, ошеломлённая. Даже Сота от удивления прекратила рыдать – только шумно вдыхала воздух, дрожа от пережитых эмоций.

Племянники восхищённо уставились на Лану, боясь шелохнуться. Карс, даже мертвый, подтверждал на глазах мира все легенды о себе. Над ним, стоя на коленях, безутешно рыдала сама Лана из Великого дома Нортонов.

Постепенно, то тут, то там стали открываться калитки.

Старики, которые не пошли на турнир, выходили на улицу, тихо расспрашивали детей о случившемся.

Ласи гордилась матерью.

Да, она знала Лану лучше, чем кто-либо, но даже сейчас не могла сказать точно, насколько её скорбь была искренней.

И в этом не было необходимости.

Знаменитая на весь Соркл вайпида отдавала дань человеку, который любил её с юности.

Человеку, который ради неё трижды выходил на турниры, раз за разом ставя на кон свою жизнь.

Люди молча наблюдали, как одна из самых желанных и недоступных женщин города стоит на коленях в грязи перед погибшим героем.

Лана умела быть благодарной и, в отличие от Каны, она чтит обычаи.

– Подойдите ко мне, люди, поддержите меня.

Она подняла голову, её лицо было заплаканным, но красивым, гордым.

– Ласи, Ханна, подведите Соту. Пусть моя девочка тоже поплачет.

Люди подходили, брали Лану за руки, смотрели в глаза, произносили слова скорби, вспоминали подвиги Карса.

В этот момент сзади раздались голоса.

Толпа начала расступаться, и вскоре к носилкам вышел Торс. Тоже в черном.

– Люди, дайте и мне проститься с моим боевым товарищем.

Все затихли.

Ласи стало любопытно, что скажет Торс, прощаясь с человеком, который два года назад едва не отправил его на тот свет.

Торс опустился на одно колено, положил руку Карсу на грудь.

– Боги свидетели, сол Карс, ты был самым храбрым воином во всей армии царя Донола, – сказал он негромко.

Он повернулся к толпе, теперь его слова были обращены ко всем:

– Мы, юнцы из Ривана, гордились тем, что даже отчаянные айваны признавали нашего ровестника Карса самым опасным врагом. Царь Донол трижды награждал его перед строем лучшими скакунами и доспехами.

Торс на мгновение замолчал, перевёл взгляд на тело Карса.

– Когда мне выпало сражаться с ним на турнире за Лану, я был уверен, что боги решили забрать меня в Верхнее Царство. Так бы оно и вышло... если бы Карс не подскользнулся в тот самый момент, когда наносил мне смертельный удар.

Толпа глухо зашумела.

“Торс! Благородный сол Торс!” – Ласи захлестнули эмоции.

Если от мамы еще можно было ожидать таких прощаний, то Торс не был обязан Карсу буквально ничем. Тем не менее, этот достойный человек счел нужным отдать покойному дань уважения.

О, Тивелла...

Ласи готова была расцеловать Торса.

Монк и Гарт, младший из братьев Ласи, принесли два кувшина с вином. Родители стали угощать людей, прося помянуть Карса. Поднеся чашу с вином девушкам, Торс хитро подмигнул Ханне и та сразу же расцвела, одарив его очаровательной улыбкой. Неясно, чем бы это все закончилось, если бы Ласи вовремя не ткнула локтем Ханну в бок так, что та чуть не выплеснула чашу прямо на ноги покойного.

– Лишь боги в Верхнем царстве знают, какой путь предначертан каждому из нас. Мы всего лишь простые смертные, живущие по законам богов, – приговаривали люди, принимая угощение.

– Тивелла примет его жертву, он жил в правде и чтит Закон.

– Да услышит наши молитвы Тивелла, мать наша.

– Да услышит наши молитвы Тивелла, мать наша, – повторила Ласи вслед за племянниками Карса и раздраженно кивнула Ханне. Та уже довольно давно вращала глазами и давала понять, что устала тут торчать и пора бы подружке увести ее отсюда.

Ласи вздохнула.

Пора уходить.

Они с Ханной попросились со всеми, вышли на дорогу и направились к Задам.

– Так жалко было Карса.

– По тебе не скажешь. Ты только и делала, что торопила меня.

– Но у нас действительно не было времени, Ласи. – Ханна вздохнула. – А его все равно жаль. Нашел за кого драться – за эту старую потаскуху!

– Завидовать нехорошо, Ханна, дочь Эрсы.

– Чему завидовать, Ласи? Чему? – вспыхнула та. – Я не завидую, а злюсь. За эту шлюху снова погибают достойные мужики.

– На этих турнирах всегда калечат и убивают кучу мужчин. Разве это справедливо? Какая разница, за кого они погибают – за шлюх или порядочных? Мой дядя погиб за Кану совсем юным, восемнадцатилетним. Если б не турниры, он был бы сейчас жив.

– Ну да. Кана сейчас была бы твоей тётей, а Несса – двоюродной сестрой.

– Не паясничай.

– Я не паясничаю, Лась. Мне просто обидно, когда они погибают за недостойных. Но мужиков нельзя жалеть на турнирах – ты сама знаешь, что это грех.

– Я знаю, что это грех, но мне их все равно жалко. – Ласи насупилась. – Зачем мы устраиваем турниры и позволяем им калечить друг друга? Это же жестоко.

– Мужчина должен биться за свою женщину, рискуя здоровьем, чтоб доказать, что он лучший. Это священная обязанность мужчин.

– Но им же больно, Ханн!

– Когда женщина рождает, ей тоже больно. – Голос Ханны стал холодным. – Многие, как и мужчины на турнирах, умирают при родах, многие потом болеют всю жизнь. Но, в этих муках женщина обретает право на материнство. В таких же муках мужчина на турнирах обретает право на отцовство. Представь, если бы мужчины жалели нас и отказывались спать с нами из-за того, что нам потом будет больно при родах или вообще можем при этом умереть. Но они ведь спят, Ласи, и никогда не откажутся от женщины, пожалев ее. Никогда! Почему же мы должны их жалеть, когда речь идет об их священном долге и о том, чтоб выбрать лучшего отца для своего ребенка? А выбор отца для первенца – это вообще святое!

– А как же любовь, чувства? Ведь не всегда побеждает тот, кто тебя любит. Горк сходил с ума по Кане и готов был ради нее на все, но...

– Но боги решили иначе. Конечный выбор всегда за ними.

– Ты считаешь это справедливым? Разве мы не гордимся тем, что, в отличие от джейтунских рабынь, у наших женщин всегда есть право выбора? Где этот выбор? Только лишь выбрать медальоны и повесить их на шест? После этого выбирают уже боги, а не женщина.

Ханна задумчиво прикусила губу.

– Я как-то не задумывалась об этом, если честно.

– Для того, чтоб задуматься, нужны мозги, моя сладкая.

– К сожалению, Тивелла мою долю мозгов, видимо, отдала тебе.

– Зато она дала тебе неумную вагину, которая никак не может насытиться.

– Ахахаха. Это дааа... – Ханна заливисто рассмеялась. – что есть, то есть...

– Я тебя чуть не убила там, когда ты начала Торсу глазки строить. Хорошо, мама не заметила ничего.

– Ей было не до этого, поверь.

Глава 5 Турнир

Еще издали они заметили, что толпа все еще находится перед домом Каны. Это означало, что турнир пока продолжается. Наверху за пригорком яблоку негде было упасть – казалось, весь город сбежался посмотреть эти бои. Кана выбрала удачное время – шел второй день празднеств, обычаи запрещали людям в эти дни работать, поэтому никто не хотел упускать такой прекрасный повод развлечься.

Зная неплохо местность, девушки быстро нашли ручей, текущий как раз мимо дома Каны и впадающий в реку восточнее Задов. Идя вдоль него и пробивая себе путь криками, локтями, а иногда и пинками, они вскоре оказались в самом центре боев.

Ласи искала глазами Рона с Вилом. Они договорились встретиться на лугах, но девушки безнадежно опоздали и теперь пытались найти ребят среди толпы.

Их окликали знакомые, они встретили тут даже Берта, но вскоре Ласи заметила, как им машет с другого конца площади Вил и, попрощавшись с Бертом, потащила Ханну за собой к мальчикам.

– Ну где вы шлелись? Мы устали ждать вас на лугах, да еще и солнце пекло нещадно.

– К Ханне домой забежали, а потом еще с Карсом прощались у нашего дома.

Парни с понимаем кивнули, но тут Ханна резко сменила тему, переведя взгляд в центр арены.

– А кто это животное там?

Ласи прищурилась, пытаясь разглядеть бойца.

– Постой... Кажется, я его знаю. Это же он тогда подарил Тише браслет!

– Его зовут Хорт. Он с Лысой Горы.

– Хорт?

– Да. Пока вас не было, он тут вколачивал Ятра из Пшеничных полей в землю, – усмехнулся Вил, – а под конец убил его ударом в висок.

– Так он еще и драться умеет? От наших мужиков они бежали так, то только пятки сверкали.

– Еще как умеет! Сейчас сами увидите.

Вдруг зрители загудели и захлопали – Кана, дочь Ускаи, медленно, грациозной походкой пересекала площадь и возвращалась на свое место, чтоб объявить уже девятый по счету бой. На ней было удивительной красоты красное платье из дживанского шелка, украшенное камнями и заканчивающееся чуть выше колен.

– Мать моя, Тивелла! – Ханна картинно схватилась за голову. – Это платье, наверное, ещё её бабушка носила!

Она толкнула Ласи локтем.

– Посмотри на этот корсет! Такое уже лет десять никто не носит.

– За неё и бились в последний раз лет десять назад. – Ласи хмыкнула. – Видимо, платье с тех времён и осталось.

– Кошмар! – Ханна всплеснула руками. – И что в ней нашли все эти мужчины? Она же тупая и страшная!

– Грудь, – тут же ответил Рон, не сводя глаз с объекта всеобщего мужского восхищения.

– Задницу, – лаконично добавил Вил.

Мальчики были предельно кратки. Они вообще предпочитали не тратить время на разговоры, когда перед глазами было такое зрелище.

Ласи тоже внимательно рассматривала виновницу сегодняшнего турнира.

Огромная, при этом круглая и упругая задница Каны, казалось, при каждом шаге готова была вырваться из платья и вывалиться наружу.

Она шла, грациозно выбрасывая ягодицы то влево, то вправо, совершенно не задумываясь об их дальнейшей судьбе.

Мужчины, словно загипнотизированные, следили за каждым её движением. При каждом шаге Каны по толпе прокатывалась волна восторженных возгласов.

Хлопки. Стонущие вздохи. Свист. Затяжное “Ууууу...”

Ласи могла видеть Кану только со спины, но, судя по восторженным лицам и заворожённым возгласам с противоположной стороны площади, оттуда открывался не менее величественный вид на одну из самых соблазнительных дам Камышей.

Соблазнительных и смертельно опасных. По крайней мере, для мужчин, которые хотели любоваться ее красотой не только издали.

Природа, надо отдать ей должное, щедро одарила виновницу сегодняшнего турнира фантастической красотой и обаянием. Кана давно стала бедствием для всей округи. Почти каждое ее замужество сопровождалось убийствами, от которых она, казалось, получала особое удовольствие.

Смерть на белом турнире, когда бой идет за девственницу, в Риване считалась нормой. Красные же турниры, наоборот, проходили без убийств и тяжелых травм. Особенно, если борьба шла за простолодинку. Они напоминали скорее веселое состязание, чем смертельный поединок. Когда бойцы слишком увлекались, женщины, как правило, останавливали бой и выбирали мужа до его окончания – правила турниров позволяли это делать, если избранник уже выиграл хотя бы один бой.

Но Кане было плевать на правила – на ее турнирах всегда гибли бойцы, а она даже не думала их останавливать. Это стало поводом как огромного ажиотажа вокруг ее турниров, так и осуждения со стороны горожан и даже жриц. Однако, виновницу всех этих смертей ничего, казалось, не заботило. Она и сейчас, стоя на возвышении, наслаждалась боем и громко болела вместе с толпой.

Лишь однажды, лет шесть назад, Кана, после шумного развода с четвертым мужем, не стала устраивать нового турнира. Вместо этого она совершила нечто, что привело Камыши в еще большее негодование и стало самой обсуждаемой темой у всех местных женщин, особенно у старух. Кана, без всяких турниров и приданных, стала жить с мужчиной, от которого забеременела пятым ребенком.

Конечно, в Соркле, в отличие от деревень, на многое смотрели сквозь пальцы и Кане, которой на тот момент исполнилось уже 30 лет и которая родила первенца после белого турнира и в соответствии со всеми обычаями, легко простили бы этот поступок, если бы не одно "но" – этим мужчиной был один из айванских рабов, поднесенных ей в качестве приданного одним из бывших мужей. С этого момента к ней прочно приклеился ярлык "шлюхи".

Кане к тому времени было уже плевать на мнение горожан в целом и соседей в частности. Она словно нарочно дразнила их, сначала заставляя погибать на своих турнирах лучших мужчин, а теперь еще и, в нарушение всех традиций, живя с каким-то дикарем.

Она прожила 5 долгих лет с этим айваном, имени которого так никто и не знал. Год назад он упал зимой в реку, пытаясь выудить форель из-под камня, застудил легкие и к весне помер.

И вот, этим летом Кана объявила новый турнир, назначив его на второй день Праздника Иды. Это был вызов Камышам, считавших Кану навсегда опозоренной и никому более не нужной старухой.

Лысогорец Хорт стоял посреди площади и рычал, воздев руки к небу. Вернее, о том, что он издает какой-то чудовищной силы рык, можно было догадаться лишь по его хищному взгляду, звериному оскалу и напряженным мышцам лица. Самого рыка услышать в сплошном реве было невозможно.

Бой понравился даже Ласи. Ханна вообще ревела от восторга – она и без того обожала турниры, но по сравнению с этим боем, по ее словам, меркло все, что ей приходилось видеть ранее.

На мгновение Ласи даже позавидовала Кане, хоть и отогнала сразу же эту, на ее взгляд, глупую мысль.

Рядом с Хортом, примерно в трех шагах валялся огромный кусок окровавленного мяса, бывший еще недавно Фолдом, сыном Меи из Красной горки.

Хорт одержал две победы подряд и теперь, согласно правилам красных турниров, все ждали, когда Кана объявит его победителем.

К тому моменту на площади собралось около пятисот человек. Сложнее всего было пробиться в первые ряды и, что было еще более трудным делом, не дать вытолкнуть себя в задний ряд.

А люди сегодня, действительно, толкались не на шутку. Каждому хотелось полюбоваться боем, закричать что-то пошлое и смешное в адрес Каны, как того требовали традиции, подбодрить своего фаворита подсказками и, конечно же, потребовать у него "порвать" соперника.

Ласи уже пару раз довольно больно попали локтем в бок, Ханну трижды пришлось вытаскивать откуда-то из третьего ряда, расталкивая людей и таща ее со всей силы за локти. В конце концов Рон с Вилом прижали их к себе, обняв сзади, и плечами отбивали все попытки пронырливых соседей затолкать всех четверых поглубже в задние ряды.

Кана, наконец, перестала любоваться Хортом и зрителями, спустилась с камня – самого почетного места, откуда было видно все происходящее, после чего медленно стала подходить к победителю, рассматривая его с головы до ног.

Публика снова взревела, но уже без Ласи и Ханны – девушки, не в силах сдерживать чувств, презрительно фыркали, отпуская в адрес Каны нелестные эпитеты.

– У меня ощущение, что мужики сошли с ума. Нет, я серьезно, вы посмотрите на нее внимательно – она же совсем старая уже. Зачем рисковать жизнью, чтоб переспать с какой-то страшной старухой?

– Откуда ты знаешь, Ханна, может она им месячных в вино намешала. Айван, наверняка, научил ее всяким колдовским штучкам.

– Да она и до него была ведьмой! Сколько мужчин из-за нее погибло на турнирах, а эта шлюха все никак не успокоится. Какой надо быть бессердечной сукой, чтоб отобрать 15 человек! Что ей мешало выбрать троих-четверых и провести небольшой скромный турнир по «легким» правилам, без смертей и жестокости?!

Кана подошла к Хорту и осторожно дотронулась указательным пальцем до его раны на скуле. Затем, попробовав на вкус кровь, улыбнулась кому-то из зрителей и подняла вверх большой палец. Хорт продолжал стоять, не двигаясь. На нем были кожаные штаны – на красных турнирах их разрешалось надевать, но только без остроконечных шипов вдоль швов. Голый торс, руки с вздувшимися венами и обезображенное от ударов лицо Хорта были в крови – то ли его собственной, то ли двух убитых соперников. Он стоял и скалился то на толпу, то на Кану.

Она обошла его, прижалась вплотную со спины и повела головой от его плеч к шее, потом к затылку, потом снова вниз к шее, к правой щеке – она словно обнюхивала его и пьянела на глазах толпы от запаха крови и пота.

– Подними уже руку ему, Кана! Он сейчас рухнет, и ты даже не успеешь выйти за него замуж, – кричали ей из толпы.

Кана, наконец, взяла его за ладонь и подняла руку вверх – это означало, что турнир закончен и Хорт стал победителем.

Публика ликовала, хлопала в ладоши, свистела и кричала: "Хорт! Хорт!"

Казалось, до героя турнира только сейчас дошло, почему зрители восторженно приветствуют его. Хорт вдруг хищно схватил Кану за задницу и, прижав к себе, с легкостью, словно

пушинку, приподнял ее одной рукой. Другая жадно лапала ее снизу доверху, делая небольшие паузы на самых выпуклых и интересных местах соблазнительного тела.

Кана смеялась и извивалась всем телом, будто пытаюсь вырваться из железных объятий лысогорского великана, но весь ее вид говорил об обратном.

В конце концов, Хорту надоело возиться с выскальзывающим из под рук шелком и он начал рвать платье прямо на ней. Теперь Кана сопротивлялась уже не на шутку, продолжая, правда, хохотать. Хорту удалось разорвать платье справа и он, под ликующий рев толпы, беспощадно мял окровавленной рукой ее огромную, вывалившуюся из-под остатков платья грудь. Через минуту та же богатырская лапища размазывала кровь дальше по телу Каны, сжимая теперь уже ее правую ягодицу.

– Эй, люди, уберите это животное! Он хочет уложить меня прямо здесь! – хохотала Кана, то и дело кокетливо пряча под обрывками платья свое голое тело.

Естественно, никто даже не собирался убирать от нее Хорта. Наоборот, все подбадривали его и требовали продолжения.

– Эта шлюха сейчас умрет от удовольствия, Ласи, посмотри на её довольную морду, – Ханна вся кипела то ли от возмущения, то ли от зависти.

Рабы вынесли шесть больших кувшинов с вином и стали угощать зрителей. Фолда, а вернее то, что от него осталось, к тому времени секунданты положили на носилки и унесли. Живой круг уже рассыпался, люди вплотную окружили Хорта и Кану, поздравляли первого с победой и благодарили вторую за такой яркий турнир.

Ласи с друзьями уже собирались уходить, когда к ним неожиданно подошла Несса в сопровождении еще двух камышинских девушек.

– Мама приглашает тебя на свою свадьбу, Ласи, дочь Ланы Нортон. Ты тоже можешь прийти, Ханна, если хочешь.

– Я Ханна, дочь Эрсы.

– А мне плевать, чья ты дочь, Ханна. Хочешь приходи, не хочешь не прих...

Сильнейший удар локтем в зубы не дал ей договорить. У Ханны всегда была тяжелая рука, к несчастью для всех, кто ей не нравился. Несса рухнула как подкошенная, но тут же встала и вцепилась Ханне в волосы. Началась потасовка, сопровождаемая криками и визгами.

– Что здесь происходит?! Расступитесь, кому сказано!

Кана растолкала людей и стала разнимать вцепившихся намертво в друг друга дочь с Ханной, но ни одна не желала отступать. Ласи было неудобно перед Каной, ей совсем не хотелось портить последний праздник – это было против обычаев, и даже мама осудила бы их за эту драку, несмотря на всю свою ненависть к Кане.

Ласи взяла Ханну за руку и стала разжимать ей пальцы, умоляя успокоиться и оставить в покое ухо Нессы, ставшее к тому моменту багровым. Несса, в свою очередь, визжала и не желала отпускать ханнины волосы. Кровь сочилась у нее изо рта и растекалась по шее, пачкая воротник платья. Это был уже третий случай, когда Ханна прилюдно избивала ее. Теперь Несса изо всех сил пыталась смыть унижение и одержать хоть какую-то победу над своей извечной соперницей, с которой они сначала не поделили Рона, потом Берта, потом Вила, потом еще троих парней, к которым обе по большому счету были равнодушны и флиртовали только лишь назло друг другу. В этом жестоком соперничестве побеждала всегда Ханна, так как Несса, как и Ласи, берегла себя для посвящения в вайпиды, а мальчишки, как известно, не любят бегать за девственницами. Это обстоятельство доводило Нессу до бешенства, ее ненависть к Ханне не знала границ. Стоило какому-нибудь красивому парню поухаживать за ней пару дней, как Ханна уже демонстративно целовалась с ним на Нижних садах, а потом рассказывала их общим подружкам все детали бурной ночи.

Кане, наконец, удалось перекричать всех и развести девушек при помощи Ласи, нессиных подруг и своей рабыни. Даже Вил не посчитал для себя зазорным вмешаться в женскую драку и теперь придерживал Ханну за плечи.

– Я хочу знать, что здесь произошло. Почему ты подралась с Ханной, дочь?

– А ты у этой овцы спроси! Я ее пригласила, как ты велела, а она накинулась на меня, как дикарка.

– Твоя дочь пригласила меня, как какую-нибудь безродную дворнягу! Я ей сделала за это замечание, а в ответ получила хамство. Я не собираюсь терпеть от нее все эти...

– Так, все! Несса, немедленно извинись перед Ханной!

– Вот еще! Я не буду извиняться перед этой шалавой!

– Да пошла ты к черту, овца! Нужны мне твои извинения!

– Несса! Посмотри на меня, дочь! Я кому сказала!

Стоило Нессе встретиться взглядом с матерью, как у нее исчез весь запал. Она поникла и тихо, глядя себе под ноги, прошептала: "Извини".

– Я прощаю. Тивелла не простит, – процедила сквозь зубы Ханна.

Она явно хотела высказать все, что думает, но ее резко прервала хозяйка турнира.

– Ханна, дочь Эрсы, я, Кана, дочь Ускаи, приглашаю тебя на свою свадьбу.

Если Ханна и собиралась отказаться, то теперь, после такого приглашения, она уже не могла не явиться на свадьбу. Ласи была очень довольна этим фактом, так как идти туда одной ей совсем не хотелось.

Ей вдруг стало смешно, и она чуть было не прыснула. Несмотря на всю торжественность момента, во всем этом было что-то смешное – Кана стояла с голым задом в толпе зевак и приглашала на свадьбу ненавистную ее дочери Ханну. Она двумя обрывками платья прикрывала причинное место и грудь, тогда как задница, несмотря на заботливо накинутый рабыней ей на плечи платок, оставалась практически открытой. Мужики, стоявшие сзади, то и дело приподнимали платок и, восхищенно цокая, разглядывали выпирающие из под него огромные ягодицы Каны.

– А когда состоится свадьба? – спросила Ласи.

– Я хотела осенью, после сбора урожая – пожала плечами Кана, – Но этот баран уперся рогами и требует устроить ему брачную ночь не позже, чем через месяц. Осенью ему с друзьями нужно ехать в Джейтун – они служат в риванской гвардии Донола.

Перед тем, как уйти, Кана подозвала рабов и те вынесли еще один огромный кувшин, установив его прямо рядом с их компанией. Этот жест окончательно выбил почву из под ног Ласи, потому что друзья даже слышать не хотели о том, чтоб уйти. Увидев угощения, сдалась даже Ханна, и Ласи осталась без поддержки.

Глава 6 Кана

Тот факт, что Кана пригласила ее с Ханной на свою свадьбу, заставил Ласи ерзать на скамейке. “Нортоны в долгу никогда не остаются”, – любила повторять мама.

“Мама... Что скажет мама?! Как я ей все это преподнесу?” – в ужасе подумала Ласи, прекрасно понимая, что теперь должна сделать ответный шаг.

К присутствию на турнире в качестве зрителя Лана вполне может отнестись с пониманием. Особенно, если настроение на тот момент у нее хорошее. А вот посиделки после турнира, да еще и подарок для Каны...

Впрочем, Ласи быстро нашла решение и, предупредив ребят, быстрым шагом направилась к себе домой.

Мысль об отобранных у джейтунца духах успокаивала ее – они оказались как нельзя кстати. Осталось только незаметно прошмыгнуть мимо маминой комнаты, отлить немного в какой-нибудь флакон и так же незаметно выйти.

Хоть Ласи и сама оказалась заложницей ситуации, приняв приглашение вынужденно, рассказывать матери как есть она не решалась. Между этими двумя женщинами лежала смерть.

Ужасная и трагичная смерть Горка – брата Ланы и возлюбленного Каны.

Добравшись домой, Ласи бегом поднялась в свою спальню, стараясь не попадаться на глаза никому из домочадцев. К счастью, матери в доме не оказалось, а Сота возилась с младшими на заднем дворе.

Кажется, пронесло...

Когда Ласи вернулась на Зады, попойка в честь турнира была уже в самом разгаре.

Дамы из клана Каны, разодетые в свои лучшие наряды, величественно расхаживали между рядами, принимая поздравления и угощая пирующих сладкими фруктами и свежим хлебом. Среди них присутствовала даже Онка, старшая сестра Каны, с которой, по слухам, у неё были натянутые отношения после замужества последней с рабом. Тем не менее, Онка безупречно выполняла свою роль – лучезарно улыбалась всем, кто поднимал кубок за её род, словно никаких разногласий между сёстрами никогда не существовало.

Рядом с друзьями, соединив три стола, обосновались гости с Лысой горы. Вскоре к ним подсели две подвыпившие женщины. Оказалось, они приходились Кане двоюродными сестрами. Узнав, что перед ними лысогогорцы, женщины стали наперебой рассказывать своим новым родственникам историю виновницы сегодняшнего турнира. Ласи и самой стало интересно, как сестры преподнесут гостям некоторые факты из биографии Каны, особенно, эпопею с айваном.

Она прислушалась.

– Кане не везет с детства. – рассказывала одна из женщин. – По крайней мере, она считает себя невезучей и постоянно жалуется на судьбу.

– Она была третьим ребенком в семье. – тут же пояснила вторая. – При живом первенце – старшем брате и живой наследнице – старшей сестре, Кане не приходилось даже мечтать о том, чтоб посвятить себя Тивелле или претендовать на материнский дом.

– Говорят, она с юности сводила мужиков с ума. Это правда? – не удержался один из гостей.

Рассказчица улыбнулась.

– Когда ей исполнилось шестнадцать, на заборе перед их домом уже висело двадцать восемь медальонов – столько мужчин готово было участвовать на ее первом турнире за право лишиться девственности и подарить первенца для Тивеллы. Еще через два года, когда к округлым бедрам и красивому личику добавилась огромная грудь, каждый шест забора пестрел сразу несколькими медальонами. Никто никогда не считал, но там их было пару сотен самое меньшее.

– Ничего себе! У нас на Лысой горе десять или двенадцать медальонов на Белом – это уже считается очень много.

– Ну это у вас. Хотя, если б Кана жила на Лысой Горе, то и там, я уверена, умудрилась бы забрать себе все проклятия мира. А половины ваших мужиков, сидящих здесь, уже давно не было бы в живых. – рассмеялась одна из сестер.

– Неужели и вправду ее все проклинаяют? – шепотом спросила лысогорчанка.

– Еще бы. Я жила рядом и помню столпотворение тех лет у наших домов. Женщины тогда толпами прохаживались мимо забора, делая вид, будто просто прогуливаются. Они высматривали знакомые медальоны, вздрагивая и боясь подойти рассмотреть поближе, чтобы не уронить свое достоинство. Замужние женщины, чьи бывшие мужья и ухажёры отметились на этом проклятом заборе, ненавидели "соблазнительную соплячку" всей душой. Каждая считала своим долгом смачно плюнуть в сторону калитки, подправляя плевком оскорблениями в адрес Каны и родившей ее Ускаи.

– А мать-то за что? – удивился мужчина, сидящий напротив.

– Можно подумать, ее было за что! – тут же возмутилась молчавшая до этого сестра Каны. – Она разве виновата, что родилась красивой?

– Нет, Зена, ты не права. – мягко поправила ее родственница. – Тётя Ускаи все же несет свою долю вины. Потому что время шло, а турнир, который с таким нетерпением ждали лучшие женихи, все еще не объявлялся. Мать запрещала дочери вешать на шест белую ленту, так как считала, что ей нужно сначала построить дом и только потом думать о рождении детей.

– За это выступала и Онка, – кивнула сестра. – Она не желала делить материнский дом с младшей сестрой, за которой вечно тянулся шлейф ухажеров и провожатых, даже когда она просто выходила за водой.

– Наконец, в один из зимних вечеров Ускаи объявила свое решение – как только снега растают, построить на Задах, в самом конце Камышей, небольшой дом для Каны. В строительстве должны были участвовать все сыновья, братья и племянники Ускаи, в общей сложности около тридцати мужчин рода. В том числе наши с Зеной братья.

– Кана была на седьмом небе от счастья... – вздохнула Зена. – Однако планы на весну были не только у Ускаи, но и у правителя Джейтуна – царя Донола.

– Едва первые подснежники выглянули из-под снегов у подножия Уступа, Его Величество уже собирал войско под стенами Вингалы.

– Мокрая война! – вдруг оживился один из лысогорцев лет сорока. – Донол той весной готовился нанести удар по айванам – наказать их за осенние набеги, опустошившие все приграничные джейтунские города и деревни.

"Ну все, сейчас начнется..." – грустно вздохнула Ласи.

Она как в воду глядела. За столом начался спор – мужчины, перекрикивая друг-друга, стали рассказывать про ужасы Мокрой войны, участниками которой многие из них были.

Согласно одному из старейших договоров между Джейтуном и Риваном, риванские военные вожди в случае войны были обязаны в течение пяти дней собрать четверть взрослого мужского населения страны и отправить в Джейтун. Единственными, кого это не касалось, были первенцы, прошедшие посвящение и ставшие идами.

Риванцы всегда шли на войну с удовольствием. Они считали ратное дело более комфортным и выгодным, чем просто набеги и грабежи, которым предавались в мирное время. История не знала случая, когда войско Ривана не превышало положенную четверть – всегда находилось больше желающих, чем требовалось по договору. Так было и в Мокрую войну, которая начиналась как короткая весенняя кампания, но переросла в одну из кровопролитных войн, легенды о которой ходили до сих пор.

Легенды.

Ласи вспомнила Карса и внутри что-то предательски сжалось. Он погиб сегодня буквально на том месте, где они сейчас пировали.

Что скажет мама?...

Ласи старалась отгонять эти мысли. В этом ей неожиданно помогла сама Кана. Она уже успела переодеться и теперь блистала у центральных столов в новом платье из дорогого шёлка.

Ласи молча взяла Ханну за локоть и потащила ничего не понимающую подругу к Кане. Когда она, от себя и Ханны, вручила Кане льняной платок и маленький флакон с благовониями, та важно поблагодарила их и представила Хорту, как подруг своей старшей дочери.

Все при этом ухмылялись, Кана – своему остроумию, девушки – при мысли, что могут казаться подружками Нессы. А Хорт, видимо, узнал Ласи и вспомнил, как её отчим с соседями несколько дней назад макал их мордой в канал, пытаясь утопить.

Но едва девушки повернулись, чтобы уйти обратно к своей скамье, Кана вдруг резко их окликнула. Ласи обернулась и увидела, как та стоит с открытым флаконом и остолбенело переводит взгляд с неё на Ханну.

– Откуда у вас такой царский запах? Это мне Лана подарила? – в глазах Каны восторг сменился надеждой и удивлением.

– Нет, мама даже не знает, что мы здесь. Это наш с Ханной подарок на твой турнир, Кана, дочь Ускаи.

– Девочки, вы сошли с ума! Это же стоит целое состояние! Дайте я вас расцелую! Несса, ты только посмотри, какой божественный запах!

Когда они вернулись за стол, Ласи заметила, что мужчины перестали спорить и все слушают продолжение истории. Она постаралась сесть поближе к рассказчице.

– К тому моменту, когда дом Каны был готов лишь на треть, добрая половина мужчин нашего рода собралась и ушла на войну. Оставшимся пришлось работать за двоих, а иногда и помогать женщинам на полях, чтобы прокормить наш огромный клан. В основном это были старики и юноши, которых оставили охранять женщин, пока остальные воевали.

Нет, пожалуйста! Только не произноси слово "война", а то опять начнется...

Но, кажется, пронесло – никто и не думал прерывать сестру Каны.

– Раньше Ускаи, опираясь на законы и обычаи, требовала закончить постройку к началу лета. Но теперь она вынуждена была просить мужчин хотя бы достроить дом к середине осени, чтобы Кана, которой уже шёл девятнадцатый год, успела переехать до холодов. Несмотря на уговоры, дом так и не был достроен – когда настала пора сбора урожая, рабочих рук попросту не хватило. А с первыми зимними холодами в Соркл начали возвращаться мужчины. Но это были уже не те, что уходили на войну.

– Это даа... – сразу же оживились мужчины.

– А ну молчать всем! Не прерывайте ее! – раздался грозный рык какой-то лысогорской женщины. – Договаривались же!

Один из мужчин побагровел и привстал со скамейки.

– Я всего лишь хотел сказать, Тална, дочь Селы, что ее назвали Мокрой, потому что на протяжении всех боёв лили дожди. Мы постоянно ходили в мокрой одежде.

– Нет, Дан, сын Селы, ее так называли, потому что ни один дом в Риване не остался сухим из-за слёз. Не слушай моего брата, дорогая, продолжай. – повернулась Тална к рассказчице.

– Следующей весной дом, наконец, достроили, и Кана объявила турнир. Она отобрала восемь медальонов, привязала их к шесту с белой тканью и воткнула в землю у своей калитки. Это означало, что выбор сделан. Остальные могли прийти и забрать свои медальоны обратно.

– Да, я как сейчас помню тот день! – воскликнула вторая сестра. – Когда люди подходили и рассматривали шест, изумлению их не было предела. Отобранными счастливыми оказались четверо стариков, трое калек, получивших ранения на войне и один юноша 18 лет от роду.

Ласи вздрогнула. Этим юношей был Горк из Великого дома Нортонгов – брат-близнец Ланы.

– Ни один из них не был на тот момент женат, не носил приставки "сол" перед именем и не имел ни одного серебряного колечка на медальоне. Именитые воины, самые желанные любовники и просто хорошие бойцы остались ни с чем. Их многолетние ожидания оказались напрасными, и это привело к еще одному потоку проклятий в адрес дочери Ускаи, теперь уже со стороны мужской части населения города. – вздохнула рассказчица.

– Зато женщины остались весьма довольны выбором Каны и осыпали насмешками каждого, кого она отвергла. – расхохоталась ее сестра. – К слову сказать, большая часть медальонов так и осталась висеть на заборе материнского дома. Большинство хозяев так и не пришло за своими. Когда много лет спустя Онка перестраивала дом и меняла забор, то не рискнула тронуть шести.

Ласи вспомнила, как недавно оказалась перед материнским домом Каны и видела эти шести. Они продолжали нависать перед новым забором, покачиваясь от ветра и звоня при этом всеми своими медальонами, как бы напоминая людям о страшной Мокрой войне, безвозвратно унесшей столько жизней.

Дальше снова начался мужской спор, теперь уже о турнирах. Ласи так и подмывало осадить их, но она не решалась. Такое могли себе позволить только их собственные женщины, а со стороны местной, да еще и молодой девчонки, это восприняли бы как грубость к гостям.

Ей ничего не оставалось делать, как пить с Ханной и парнями, слушая краем уха разговор, чтоб не пропустить продолжения.

Ничего нового она, конечно же, не узнала за время этого спора. В отличие от красных турниров, на которых условия были гораздо мягче, на белых большинство боев заканчивались смертью. Бойцы старались побыстрее убить противника, чтоб не тратить на него много сил, так как впереди их ждали еще бои, и до победы было далеко.

Были даже специальные мастера, которые бродили по городам Ривана и за пару монет давали неопытным юношам уроки, обучая их разным приемам кулачного боя и, главное, смертельным ударам.

Белые турниры уносили столько жизней еще и из-за того, что на них выставлялись, как правило, лучшие бойцы. Это были самые желанные турниры, дававшие право стать отцом первенца и приставку "сол" к имени, если ребенок станет вайпидой.

– Белый турнир Каны выиграл Хромой Глоф, которому на войне сломали колено и разорвали пол-щеки. – наконец, продолжила свой рассказ женщина. – Он сначала убил юношу, а затем забил двух стариков, одному из которых каким-то чудом удалось выжить. Свадьбу сыграли почти сразу же, но почти никто из нашей родни на нее не пошел. Я тоже отказалась, считая, что Кана нас опозорила, выбрав калек.

– А я пошла и гуляла на их свадьбе! Когда Хромой Глоф подошел к окну и вывесил с него окровавленное одеяло, публика внизу взорвалась радостными криками.

– Ну потому что это были почти сплошь его друзья и родственники. – хмыкнула рассказчица. – Через девять месяцев Кана родила Нессу – свою старшую дочь. Приданного от Глофа Кана не приняла и стала жить одна, а через два года устроила свой первый Красный турнир. Его выиграл Тонк, сын Мары из Мельничных холмов. В общей сложности, на этом турнире погибло шестеро мужчин из двадцати семи лучших бойцов города, отобранных Каной. Этот турнир, несмотря на то, что он не был Белым, тоже привлекал внимание всего города.

– После Тонка был сол Рац, которого звали Большим за его высокий рост. – продолжила вторая сестра. – При этом, количество участников и погибших на новом турнире не сильно уступало предыдущему. Кана окончательно стала городской легендой – Красные турниры редко когда заканчивались смертью, а сразу с несколькими погибшими и вовсе никогда

не случались. Такой накал бывал лишь на Красных турнирах великих и старших домов за право жениться на знатной аристократке. Но мы-то ведь не аристократы.

– Теперь нашу сестру проклинали уже за то, что не останавливала бои. Большой сумел остаться после брачной ночи, предложив Кане приданное в виде десяти джейтунских золотых донов и трех айванских рабов – двух мужчин и молодой женщины. Однако, через положенные четыре года Кана сняла герб Большого с шеста и объявила новый турнир, отобрав не меньше двух десятков бойцов. Новым счастливым стал Хлас из Виноградников. После брачной ночи Хлас сделал Кане предложение, от которого она не смогла отказаться – он обещал в качестве приданного привести десяток рабов и достроить ей еще один этаж, с террасой на крыше. Но через два месяца после этого он привел лишь двух рабов, да и те работали настолько медленно, что напомнили Кане то горькое время, когда ее немногочисленные родственники целый год не могли достроить ей дом.

Этот случай даже Ласи помнила. Кана собрала соседей, сняла герб Хласа с шеста и выставила его вон, заявив во всеуслышание: "Хлас, сын Буры, ты мне больше не муж", как того требовали обычаи при расторжении брака раньше положенных четырех лет с момента уплаты приданного.

"А потом был айван", – вспоминала Ласи, готовясь смаковать самую "увлекательную" часть рассказа. Но рассказчицы, будто сговорившись, пропустили этот пятилетний отрывок из биографии своей сестры и перевели разговор на сегодняшний турнир. Разочарованию Ласи не было границ. Впрочем, она с пониманием отнеслась к сестрам Каны – не рассказывать же, в самом деле, как "легенда города" жила с каким-то рабом и родила от него ребенка.

Тем временем пир разгорался. Рабы разливали вино, разносили кубки всем, кто успел устроиться на лужайках и скамьях вокруг площади. В воздухе стоял гул голосов, звучал смех и раздавался звон чаш. Казалось, главный праздник Ривана здесь, на Задах, набирал новую силу, ко всеобщему удовольствию присутствующих.

Ласи с друзьями сидели чуть поодаль от центральных столов, но к ним тоже не раз подходили с подносами. Сначала они пили, подстёгиваемые азартом, затем пили, потому что вино было удивительно вкусным, а потом уже просто пили – во славу Ривана, в честь погибших бойцов, за Тивеллу, за богов и за самих себя.

Рон громко пел, обнимая за плечи Ви́ла и Берта, толпа аплодировала ему отовсюду, Ханна хохотала, запрокинув голову, а Ласи чувствовала, как лёгкость охватывает всё её тело, и мир становится чуть ярче, чем был ещё несколько часов назад.

В дом Ланы девушек принесли уже за полночь. Ласи – на плечах Берта, а Ханну пришлось нести вдвоём Рону с Вилом. Каким-то чудом они умудрились затащить подруг в спальню Ласи, разбудив только Торса.

Тот вышел из своей комнаты, босой, растрёпанный, с огромным ножом в руке, грозно окинул пьяную компанию взглядом... Но тут же всё понял. Молча развернулся и, тяжело вздохнув, ушёл обратно спать.

Глава 7 Собор Матери Тивеллы

С раннего утра в Соборе кипела жизнь. Иды носились по территории, как угорелые. Одни тащили к храму тяжелые тележки и носилки, нагруженные говяжьими и свиными тушами. Другие, выходя от построек, где в поте лица работали мясники, несли к поварам подносы и корзины с печенью, сердцами, ребрами и огромной горой мелко нарезанного мяса. Третьи тащили мешки с крупами и овощами, четвертые подметали площадь, развешивали белье на веревке и подвозили воду.

Мина – одна из семи Верховных жриц Ривана, лично следила, чтоб никто не оставался без дела.

Ласи держалась молодцом, несмотря на головную боль и постоянную жажду. А вот Ханна похвастаться стойкостью не могла. Еще с утра, когда Мина поставила их в "мясной" отряд, Ханна при любой возможности пряталась за постройками и пропускала очередь. Чувствовала она себя при этом совершенно разбитой.

– Еще немного – и я умру. У меня все болит!

– Пошли уже, Ханна, хватит прохлаждаться.

– Я не могу, Ласи, у меня в глазах все двоится.

– Сама виновата! Каждый раз нажираешься, как свинья, и потом весь следующий день постоянно хнычешь. Ты же знала, что сегодня последний День Иды, и нас будут гонять весь день.

– А что я сделаю? Мне Берт и другие постоянно подливали.

– Ну да, сама ты пить не хотела, но тебе всегда кто-то подливал насильно. Придумай что-нибудь новое уже, Ханна.

– Эта сука идет к нам!

– Успокойся!

В направлении девушек, прятавшихся между двумя амбарами, шла Несса. Смотря по сторонам и дойдя до правого амбара, Несса еще раз обернулась и, убедившись, что ее никто не замечает, юркнула за угол к Ласи и Ханне.

– Там Мина уже дважды про вас спрашивала. Скоро отправит кого-то на поиски.

– Да пошла она! Я тут после вашего турнира еле живая.

– Тошнит?

– Нет, голова трещит, и все тело болит.

– На, выпей, только немного. Сделай пару глотков, больше не нужно.

Вместо двух глотков Ханна жадно выдула половину небольшой бутылки вина, которую Несса вытащила откуда-то из-за пазухи. Она бы выпила все содержимое, если б Ласи вовремя не отобрала у нее вино и не допила его сама.

– Уууххх! Ты спасла нас, Несса. Я прям чувствую, как ко мне возвращаются силы.

– Мне пора. Вы тоже не засиживайтесь, а то Мина скандалить начнет.

– Что это на нее нашло? – задумчиво спросила Ханна, когда Несса ушла.

– Не знаю... может ей жалко стало нас.

Ласи знала, что подружка, напившись, на следующий день ничего вообще не помнит. Ханне бесполезно было напоминать, что она сама вчера полезла мириться с Нессой и даже зацеловала ту под крики пирующих. Ласи тоже смеялась и аплодировала со всеми. Ее вдруг кольнуло – она вспомнила, как весь вечер Несса сидела в обнимку с матерью и непринужденно болтала с ней. Совсем как равная и близкая подруга, а не как дочь. С Ланой таких отношений у Ласи никогда не было – мать никогда не позволяла детям нарушать субординацию.

– Ты заметила? Ее одежда пахнет твоими духами. Наверно, полфлакона на себя вылила.

– Нет, это просто духи хорошие, одной капли достаточно.

– Ты все же зря их вчера подарила.

– Если станешь надоедать с этим, то я, действительно, решу, что зря и отберу у тебя флакон.

– Ой-ой-ой, какие мы грозные...

– Всё, вставай, пошли работать.

Мина была самой молодой из Верховных жриц. Боги ее выбрали по жребию около семи лет назад после смерти жрицы Саны – старой и мудрой женщины, к которой чуть ли не весь Соркл бегал за советами.

Хоть иды женского пола и участвовали в выборах новой жрицы наравне с вайпидами, боги почти всегда выбирали её из последних. Мина не ждала этого дня, не мечтала о власти и уж точно не готовилась к тому, что однажды проснётся обычной идой, а к вечеру станет одной из семи самых влиятельных женщин страны.

Когда жребий пал на неё, она вскрикнула и на несколько мгновений потеряла дар речи. Судя по тому, как в зале растерянно переглядывались вайпиды, жрицы и даже простые иды, никто не ожидал, что боги укажут именно на неё.

Никто, кроме её матери и родни, которые тут же объявили великий пир. За накрытыми столами они наперебой твердили, что Мина с самого детства была особенной, что ещё в колыбели её в лоб поцеловала сама судьба. В их рассказах она превращалась чуть ли не в святую деву, чистую и мудрую, избранную самой Тивеллой.

Но если боги и сочли её достойной, то люди явно были иного мнения. Едва Мина надела жреческое платье, ей дали понять, что её избрание – это ошибка. Старшие жрицы взирали на неё с холодным равнодушием, вайпиды держались подчеркнуто вежливо, но не скрывали пренебрежения, и даже простые иды, с которыми ещё вчера она работала бок о бок, отворачивались, когда она пыталась заговорить с ними.

К вечеру Мине казалось, что против неё ополчился весь Соркл. Даже храмовые собаки, едва она приблизилась к воротам в первый день службы, зарычали и не дали ей войти.

Впрочем, за прошедшие семь лет Мина сумела не просто удержаться у своей неожиданно обретенной власти, но и добиться уважения. Причем, не только среди простых риванцев, но и у остальных шести Верховных жриц богини Тивеллы.

Она начала с того, что объездила все крупные города и деревни Ривана, встречалась с жителями, выслушивала их жалобы и вопросы. Она не проповедовала, не давала пустых обещаний, не пыталась снисходительно учить крестьян, как жить.

Она слушала.

И люди начали говорить.

В течение двух лет Мина организовала строительство храмовых амбаров в каждом крупном городе. Они стали центрами сбора пожертвований от богатых семей, а оттуда припасы вывозились в окрестные сёла и раздавались беднякам.

Более того, Мина лично подписывала мешки с зерном и прочими дарами, указывая, кому они предназначены. Это создавало ощущение не безликой раздачи, а личного благословения. Люди целовали мешки с её подписью, благодарили богов за жрицу, которая впервые за долгие годы подумала о бедняках.

Разговоры о «малолетней выскочке» затихли сами собой. А там, где они все еще мусолились, злопыхатели непременно получали по морде от какого-нибудь чувствительного собеседника.

Деятельность Мины заметно укрепила авторитет Главного Храма, и Кальта не могла этого не заметить. Поначалу она просто хмурилась, наблюдая за новенькой, но затем стала поручать ей всё более важные дела.

К пятому году службы Мина уже считалась незаменимой. Её слово решало судьбы храмов, жриц, вайпид и ид. Она стала связующим звеном между Главным Храмом и народом, между властью страны и теми, кого эта власть касалась больше всего.

Неудивительно, что приготовлениями к третьему, самому важному дню праздника руководила именно Мина. Будучи в юности идой, она знала храмовую жизнь изнутри, понимала все хитрости своих подопечных и не давала им ни малейшей поправки.

Ласи уже в четвёртый раз шла от мясников, таща ведра со свинными внутренностями. Желудок сжимался от омерзения, вонь от вёдер была такой, что она старалась дышать через рот, но это мало помогало. Каждый шаг был пыткой, но Ласи стойчески переносила тяготы, шаг за шагом приближалась к своей истинной цели.

Путь от мясников к яме с отходами пролегал через западную часть заднего двора – мимо старинной часовни, где в тени сидела Мина. И каждый раз, проходя мимо, Ласи выпрямляла спину. Она знала: жрица терпеть не могла, когда иды сутулились. Ласи шла строго по тропинке из каменных плит, не срезая путь через газон, как это делали остальные, и уже дважды ловила на себе одобрительный взгляд Мины. Она хорошо знала жрицу и была уверена, что на обратном пути этой четвертой ходки та точно ее подзовет, чтоб похвалить. И тогда уж Ласи своего шанса не упустит.

Мина была очень близка с Горой, но сейчас это не имело значения. Ласи точно знала: если разрешение на поездку в Халиту даст Мина, мать не станет ни ругаться, ни возражать. Лана воспримет это как чуть ли не прямое указание Храма. А значит, Ласи нужно было добиться этого любой ценой.

Опрокинув содержимое в яму, она критически осмотрела себя. Пуговицы застёгнуты. Обувь зашнурована. Ласи поправила воротник и, вымазав два пальца в грязном ведре, быстро провела ими по правой щеке – последний штрих. Должно сработать.

– Матерь наша, Тивелла! Помоги мне, пожалуйста, получить разрешение! Я очень-очень тебя прошу! – Ласи быстро воздела руки к небу, шёпотом произнося молитву.

Проходя мимо жрицы, она опустила глаза, делая вид, что разглядывает узоры на плитах.

– Ласи! Подойди ко мне, моя девочка!

Голос Мины прозвучал мягко, но с той самой интонацией, которая не терпела возражений. Ласи замерла, затем медленно развернулась и подошла.

Мина вытащила платок, потянулась к кувшину с водой.

– Ты совсем заработалась, пчёлка. Посмотри, как ты испачкалась. Поднеси лицо, я вытру эту грязь.

Ласи скромно потупила взгляд, приблизив лицо к жрице. Она терпеливо ждала, пока Мина с ласковой заботой вытирала грязь с её щеки.

“Нужно дождаться похвалы, и только потом просить”, – решила для себя маленькая интриганка.

– Ласи! Эй, Ласи! Поднимись ко мне! – раздался откуда-то из Южной башни голос Пира.

"О, боги, нет, только не это!" – Ласи умоляюще посмотрела на Мину, но та истолковала все иначе и одобрительным взглядом дала понять, что, "мол, конечно, можешь идти, дорогая".

Все мучения насмарку!

В этот момент Ласи ненавидела Пира – двоюродную сестру и самую близкую подругу Ланы. Чего ради той вздумалось звать ее к себе, Ласи не знала и не хотела знать.

В конце-концов, это можно было сделать раньше или хотя бы чуть позже, когда разрешение от Мины было бы уже получено!

Пира и сама была одной из семи жриц Главного храма. Два года назад она стала настоятельницей столичного Собора Матери Тивеллы и её разрешение весило ничуть не меньше, чем разрешение Мины. Но Ласи прекрасно знала, что просить ее бессмысленно. Пира никогда не даст разрешения, зная, что мать против этой поездки.

– Здравствуй, Ласи. Присаживайся, нам надо поговорить.

– Здравствуйте, святейшая Пира.

– Ты умеешь хранить тайны?

– Умею, конечно.

Пира внимательно посмотрела на неё, оценивая, будто взвешивая что-то в голове.

– Святейшей Кальте от тебя требуется одна небольшая услуга, но ты должна поклясться, что никому никогда об этом не расскажешь.

– Клянусь Тивеллой, святейшая Пира, от меня никто ни о чём не узнает!

К Ласи моментально вернулась надежда, а вместе с ней – хорошее настроение. Если “небольшую услугу” требуют хранить в строжайшей тайне, то её уже вряд ли можно считать небольшой. А Кальта женщина благодарная и щедрая – это знает весь Риван.

– Этой ночью, как ты знаешь, боги через Священную сову будут определять количество жертвоприношения на следующем празднике Иды.

Ласи кивнула, не перебивая.

– Сова в последние годы кричит слишком рано, прерывая святейшую Кальту ещё в начале. Мы подумали, что она устала от жизни в нашем мире, тоскует по прекрасным садам Верхнего Царства, по своим друзьям и подругам. Мы решили подарить ей друга.

– Друга?! – Ласи не сдержала удивления.

– Да, хорошего друга, который растопит её сердце и вернёт вкус к жизни.

Пира подошла к столу и одёрнула платок, под которым оказалась клетка с совой. В полумраке покачивались два ярких жёлтых глаза.

– Это самец. Его поймали вчера ночью.

Ласи молча смотрела на птицу, ожидая продолжения.

– Ты должна скрытно пронести его в Нижний зал и выпустить в момент жеребьёвки.

– Поняла.

– И помни: если попадешься, Кальте придётся наказать тебя за шалость и заточить в келью на несколько дней. Это должно оставаться в строжайшей тайне. Когда встал вопрос, кому такое поручить, я ни минуты не задумывалась – только тебе могу довериться, моя девочка. Остальные разболтают Горе, а та только и ждет повода, чтоб... Ну ладно, это уже не для твоих ушей. Ты справишься?

Ласи медленно выдохнула и уверенно кивнула.

– Я сделаю всё как надо, святейшая Пира. Можете положиться на меня.

– Даже не сомневалась в тебе, моё солнце. Другая на твоём месте задала бы кучу ненужных и утомительных вопросов.

– Ну что вы, святейшая! Вы же сами наравне с мамой воспитывали меня с младенческого возраста, и Ваша мудрость всег...

– Так, всё, хватит! – заулыбалась Пира, разглядывая Ласи едва ли не с материнской нежностью. – Говори, что тебе понадобится, засранка. Я слишком хорошо тебя знаю, чтоб поддаться на твои елейные речи

– Да мне всего-то надо на несколько дней с друзьями в Халиту съездить. Хочу своими глазами увидеть тамошние чудеса. Но мама категорически против. Достала уже своими запретами!

– А с кем ты собралась туда?

– Ну, с Роном...

– Он же тебя чуть не изнасиловал.

– Когда это было? Мы давно помирились и поняли друг друга. Да и потом, мы не одни едем, с нами будут Ханна и Вил.

– Хорошая компания, ничего не скажешь – насильник, шалава и кретин. Конечно, Лана не отпустит в поездку и правильно сделает.

– Ну не всем же везет с близкими друзьями, как маме с Вами, святейшая, – грустно вздохнула Ласи, – Наверняка, Тивелла послала мне таких друзей за мои пригрешения, и я должна нести это наказание до конца жизни...

– Ой, ой, ой, вы только посмотрите на эту хитрожопую лисичку, – захихикала Пира, – ну-ка признайся, к Мине из-за этого копыта подбивала? Я-то думаю, мать моя Тивелла, что с нашей девочкой творится – ведь лентяйка лентяйкой, а тут работает, не покладая рук.

Ласи густо покрылась краской, на этот раз по-настоящему, а не притворно. Пира действительно знала ее, как свои пять пальцев, и с ней эти трюки у Ласи не проходили.

– Хорошо. Сделаешь вечером все как надо, и я поговорю с Ланой. Скажу ей, что нам нужно отправить в Халиту с поручениями надежного, ответственного человека, и Кальта хочет, чтоб поехала именно ты.

– Аааааа! Тетя Пира, я тебя обожаю! – закричала счастливая Ласи, бросившись в объятия жрице.

– Ну, наконец! Признала любимую тетушку, а то все святейшая, да святейшая. Только не подведи меня, ладно, родная? Я за тебя поручилась перед Кальтой.

Спускаясь по лестнице, Ласи встретила Гору. Она почтительно склонила голову и пыталась быстро прошмыгнуть мимо жрицы, но Гора остановила ее, мягко положив руку на плечо.

– Здравствуй, Ласи. Как твои дела?

– Здравствуйте, святейшая Гора. У меня все хорошо, спасибо.

– Как... – Гора на мгновение запнулась, – как дела у Ланы?

– У неё тоже все замечательно, святейшая.

– Да, я ее видела в первый день Праздника, она выглядела великолепно. Я очень рада, что Лана решила снова посещать празднества. Надеюсь, у нее, наконец, прошла эта многолетняя хандра.

– Конечно, святейшая, мама наслаждается жизнью и чувствует себя счастливой. Никто и ничто не в силах заставить ее тосковать, – Ласи знала, что дома ее теперь ждет допрос, и Лана заставит пересказать весь разговор много раз, с описанием мимики Горы и ее реакции на каждую ласину фразу.

– Она... – Гора снова запнулась, – Лана все еще злится на меня?

Теперь настала очередь Ласи запнуться. Она аж вспотела от напряжения. Скажешь, что злится, мама придет в ярость, скажешь, что ничуть не злится – Лану такой ответ тоже может взбесить.

– Ну откуда мне знать, святейшая Гора, я же для мамы все еще глупая девочка, она со мной не обсуждает такие вещи, – нашлась наконец с ответом Ласи.

– И вовсе ты не глупая! – нахмурилась жрица, словно в досаде на Лану, которая не догадалась заранее обсудить с дочерью такой важный для Горы вопрос.

– Спасибо, святейшая, Вы всегда добры ко мне, – скромно потупила глазки Ласи.

– Да, дорогая, я добра к тебе, но ты почему-то всегда сторонись меня. Неважно, что произошло между мной и твоей матерью, ты всегда можешь рассчитывать на мою поддержку в любых вопросах, – Гора внимательно со значением посмотрела в глаза Ласи и повторила: В любых!

– Спасибо, святейшая Гора.

– Я хочу, чтоб ты знала Ласи – я не предавала ее. Произошло то, что произошло, но так было лучше для нее. Я до сих пор не жалею о том, что сделала.

"А вот это ты зря сказала, Гора", – подумала Ласи, почтительно стоя перед жрицей и глядя в пол. Она готова была дать руку на отсечение, что в этом месте рассказа мама вскочит и начнет яростно посылать проклятия на голову Горы.

– Я ее очень люблю, Ласи. До сих пор. И мне очень жаль, что мы поссорились.

Ласи старалась не дышать. Она продолжала стоять в той же позе, смотрела себе под ноги и в то же время готова была лопнуть от напряжения. Она ощущала то огромное волнение, которое исходило от Горы – у той даже голос немного сел, и дыхание участилось.

Пауза затягивалась. Горе явно хотелось поговорить еще, но она не могла найти слов, а Ласи всем своим видом давала понять, что пора ее отпустить.

– Ладно, ты иди, Ласи, не буду тебя больше задерживать. И помни: если тебе понадобится моя помощь, всегда обращайся.

"Пытается меня подкупить", – решила Ласи, спускаясь во двор, – "Хочет заполучить союзницу, чтоб я преподнесла дома наш разговор, приукрасив все в ее пользу".

Несмотря на свои неполные 18 лет, Ласи была не по годам умной имышлёной девушкой. Это признавали даже камышинские старухи, когда в очередной раз перемывали ей косточки.

Глава 8 Камыши

Летнее солнце пекло безжалостно, раскаляя воздух до такой степени, что, казалось, еще немного – и все вокруг загорится. Ханна еле успевала за Ласи, хотя та и сама не могла идти быстро и то и дело замедляла шаг.

– В храме было прохладнее.

– Лучше б мы там и остались до вечера.

– Ага, и пахали бы за троих под присмотром Мины. Прекрасная идея!

– Ласи, давай свернем к каналу и немного посидим в тени, я уже не могу идти, потрогай мое платье – оно все мокрое.

Они с трудом пересекли Красную Горку, стараясь держаться заборов, вдоль которых росли яблони, дающие спасительную тень. Улицы были безлюдны – горожане спасались от жары в садах, либо отсыпались, готовясь к всеобщему ночному веселью. Проходя мимо дома Рона, они заметили его младшую сестренку. Самого Рона дома не оказалось.

– Он по бабам пошел, – важно заявила измазанная сажей десятилетняя бестия, укладывая деревянную куклу на игрушечный табурет. По ее тону можно было подумать, что сама она ходит по бабам постоянно и вернулась оттуда совсем недавно.

– Когда это он успел? Мина отпустила всех только в полдень.

– А я знаю? Он забежал, быстро перекусил и пошел. Прямо перед вами. А, вспомнила – он с Бертом должен встретиться и потому торопился.

Добравшись до канала, подруги, не сговариваясь, сорвали с себя одежду и с разбега прыгнули в воду. Жар обжигал кожу, знойный воздух дрожал над землёй, и когда тело скользнуло в прохладу, Ласи чуть не застонала от удовольствия.

Они так торопились, что даже не удосужились осмотреть кусты, густо росшие у самого берега. Да и кому какое дело? Этот пляж принадлежал женщинам. Мужчины сюда не совались – подглядывать за купающимися считалось позором.

Но только не для детворы. Ласи с Ханной и сами, будучи подростками и играя в Нижних садах, бегали с Роном и другими на оба пляжа. Они прятались в траве, подглядывали за взрослыми и хихикали, прикрывая рты ладонями.

Но самым весёлым было не это. Самым весёлым было убегать, взвизгивая и петляя между деревьями, когда их замечали и гнались вдогонку, громко крича, сыпля проклятия и придерживая руками причинные места.

Когда у Ласи самой выросла грудь, ей стало не до смеха. С того лета она всегда брала с собой длинный кизилловый прут. К его горьковатому жжению успели привыкнуть задницы почти всех камышевских и красногорских мальчишек.

– Интересно, к кому они намылились? – задумчиво сказала Ханна, когда они вылезли из воды.

– Старуху, наверно, нашли какую-нибудь и обхаживают по-очереди.

– А я?! Я что, хуже старухи?

– Мужчинам всегда хочется какую-нибудь новую бабу. Они так устроены, ничего не поделаешь.

– Ну вот пусть новых и хотят. Я им больше не дам.

– Ты каждый раз так говоришь, а потом сама к ним лезешь.

– Да пошли они.

– И это тоже ты каждый раз повторяешь.

– Что ты пристала ко мне, овца?

– Да ничего. Твоя ненасытность когда-нибудь погубит тебя, Ханна. Как вспомню, что ты вчера вытворяла на пиру у Каны...

– Ой, всё, Ласи, не напоминай. У меня до сих пор все болит.

– С чего это?

– С того. У этого лысогорского мальчишки опыта никакого вообще. Еще и кусты мне все ноги исцарапали.

– Так, все. Без подробностей.

– Ой, ой, ой, какие мы скромные. А про Рона сто раз подробности выпрашивала.

– Рон – это совсем другое.

– Любишь его?

Ласи задумалась.

– Не знаю... Иногда кажется, что люблю, иногда ничего вообще не чувствую. Даже когда целуемся.

Ханна прыснула со смеху, растянулась на траве и лениво закинула руки за голову.

– Это потому, что ты его не хочешь, – заявила она, жмурясь на солнце.

– Да ну тебя, – Ласи вздохнула и легла рядом, вытянувшись во весь рост. Вода еще капала с волос, охлаждая разгоряченную кожу.

– Правда, – продолжала Ханна, – когда ты кого-то хочешь, у тебя под ногами земля плавится. А если не хочешь, то хоть целуйся, хоть обнимайся, хоть свадьбу сыграй – всё как об стену горох.

Ласи задумалась, всматриваясь в ясное небо.

– Может, ты и права, – пробормотала она. – Но мне ведь нравится быть с ним.

– Да, нравится. А спать с ним хочешь?

– Ой, всё, – Ласи смущенно махнула рукой, пряча улыбку.

Ханна громко рассмеялась и потянулась, с довольным видом разглядывая собственные ноги.

– Главное, что ты его целуешь. А там, глядишь, однажды и захочешь. Или он сам остынет.

– Не остынет, – уверенно сказала Ласи.

– Почему?

– Потому что я ему не позволю.

Ханна снова прыснула.

– Вот это по-нашему, по-женски. Но шалавой из нас двоих почему-то все называют только меня.

– Дура, – рассмеялась было Ласи, но потом вспомнила встречу с Горой и снова напряглась. Нужно рассказать маме об этом разговоре.

– Хватит прохлаждаться, пошли домой, – заторопилась она, начав одеваться.

Они не стали идти к мосту и перешли канал прямо по одной из «ступенек» – порогам небольшой речушки, по которым, казалось, вода спускалась от самого Уступа – самой высокой вершины Соркля – и текла словно по лестнице, с шумом падая с одной широкой ступеньки на другую. Эти бесчисленные ступени начинались почти от Кузней и шли до самого центра, где канал впадал в Волсу.

Ласи, как всегда, чуть не упала с порога в воду прямо посередине канала. Никто из горожан толком не знал, кто построил эту «лестницу» водопадов, как и сам канал. Говорили, что ее создали сами боги. Но чаще всего это вспоминали, когда соскальзывали с нее. Недобрым словом.

Пройдя через Нижние Сады, девушки вышли к мосту, ведущему в Камыши. Окинув взглядом величественный вид, Ханна вздохнула.

– Смотри, – фыркнула она, – опять ваши дворцы. Сидите наверху, будто боги, а мы вами снизу любимся.

Камыши раскинулись на холмах по ту сторону Волсы, возвышаясь над городом. Отсюда открывался потрясающий вид: Соркл, словно ожерелье, раскинулся вдоль прямого, как стрела,

канала и извилистого русла реки. Именно здесь, под камышинскими холмами, канал впадал в реку, и она, превратившись в стремительный поток на Виноградниках, устремлялась из столицы к восточным деревням.

Но этот вид принадлежал не всем. Наслаждаться им могли только представители знатных родовых кланов – их богатые дома венчали самый высокий холм, словно корона, обращённая к городу. По западную сторону холма лежали Зады, а ещё дальше, на двух невысоких пригорках, раскинулся третий квартал Камышей – Низы, в котором расположились младшие кланы.

Их дома, наоборот, отличались простотой – в основном это были одно- или двухэтажные постройки. Чем моложе род, тем беднее, как правило, был родовой дом. Основательнице нового рода приходилось строиться на новом месте, а статус младшей дочери сильно ограничивал ее возможности. Правда, в строительстве ей обязаны были помогать мать, сестры и все родственники мужского пола, если, конечно, семья была достаточно большой, и мужчин в роду имелось в достатке.

Дом, в котором жила Ханна, был построен на Низах ее прабабушкой. Он имел два этажа, внушительного размера погреб, баню, сарай, пару небольших построек на участке и по меркам Низов считался богатым домом.

Расположился он на просторном участке с фруктовым садом, огромными кленами, лужайкой и бесчисленным количеством тропинок. Имелся даже небольшой пруд, в котором, правда, не купались – он был неглубоким и отдавал болотом.

Ласи с детства любила гостить у Ханны – постепенно разрастаясь и достраиваясь, особняк Нортоннов подмял под себя почти весь участок, в нем уже не оставалось места для больших деревьев и, тем более, фруктовых садов.

– Явилась, бездельница! Давайте, сходите перекусите, потом проводишь Ласи и прямоком сюда в огород! – голос Эрсы раздавался с той стороны забора. Ласи пыталась между щелей разглядеть ханнину маму, чтоб поздороваться, но не находила ее.

– О, Тивелла, только не это! Ма, нас и так Мина с утра загнала, как кобыл, сжался надо мной!

– Тебя загонишь, как же! Вся в отца – такая же лентяйка и дармоедка. Давай быстрее сюда иди, работа ждет!

На кухне царило оживление – младшие сестры Ханны носились с подносами и помогали бабушке готовить блюда для праздничного ужина. Ласи, забыв о приличиях, схватила с полки огромную тарелку и стала накладывать в нее еду со всех блюд, которые остывали в столовой. Ханна последовала примеру подруги.

– Ну куда тебе такое ведро, ты и так жирная корова. Возьми миску поменьше.

– Да пошла ты, Лась, я такая голодная, что готова целого быка съесть.

Ласи и сама была очень голодна. Утром они с Ханной не стали завтракать, чтоб не разбудить Лану, потом еще и этот изнуряющий труд в храме, ну а купание и разыгравшийся после него аппетит довели чувство голода до такого состояния, что ни о чем кроме еды они уже не могли думать.

Усевшись, наконец, за стол, девушки жадно накинулись на еду. Бабушка Ханны готовила изумительно. Даже простые блюда у нее получались сочными и вкусными. С ней могла сравниться только повариха Мирсея – одна из айванских рабынь Ланы, но года полтора назад она вдруг внезапно умерла, узнав от купцов, что деньги, собранные семьей для выкупа ее из рабства, старший сын по пути в Риван проиграл в кости, после чего повесился. Мирсею сожгли, одежду и вещи передали другой рабыне, но та, сколько ни старалась, не могла никак угодить Ласи. Еда получалась у нее пресной и невкусной. Ласи как-то подговорила Соту, и они вдвоем упрашивали мать поменять повариху, но тщетно. "После Мирсеи вам любая покажется бездарностью", – отрезала Лана и выгнала сестер из своих покоев.

– Эх, ну и наедемся мы всякой вкуснятины в Джейтуне!

– Тебя же не отпустят.

– Это мы еще посмотрим!

Ласи не стала пересказывать Ханне разговор с Пирой, чтоб избежать лишних вопросов. Вместо этого она подмигнула подруге и снова налегла на еду.

– Ах вот вы где! Ласи, дорогая, она у тебя ночевала?

– Да, тетя Эrsa, мы после турнира Каны сразу вернулись ко мне, а утром вместе пошли в храм.

– Ну хорошо, раз так. Когда она с тобой, я спокойна. Попробуй еще это рагу, мама его бесподобно готовит.

– Ты что же, Эrsa, думаешь Ласи не знает, как я готовлю рагу? Завяжи ей глаза, выставь на той стороне Соркла рагу бабушки Тали и она найдет его по запаху! – в столовую вошла дородная женщина – хозяйка дома.

– Это правда, бабушка Тали, я твое рагу ни с чем не спутаю!

– Ах ты мое солнышко! Ты что ж так худо выглядишь? Кормлю тебя, кормлю, а ты все никак не поправишься, милая.

– Потому что она злючка. Вот я добрая, поэтому сразу толстеть начинаю, как только поем что-нибудь. Все злючки – худые.

– А ну не смей мне тут Ласи обижать, маленькая мерзавка! Тебе уже попало от матери за вчерашнее?

– Так я же у Ласи ночевала, ба, у нее спроси, если хочешь.

– Это правда, моя сладкая?

– Правда, бабушка Тали, я за ней приглядывала.

Глава 9 Джейтунец

Мамы дома не оказалось. От Монка, старшего из братьев, Ласи узнала, что она зашла к Селбортонам и до сих пор не вернулась. Покушав и подождав её довольно долго, Ласи решила тоже зайти к соседке. Её нетерпение росло с каждой минутой – нужно было обсудить разговор с Горой и убедиться, что она отвечала жрице именно так, как хотелось бы матери.

От особняка Нортонов до дворца Селбортонов было рукой подать – благо, оба находились на самой вершине.

По легенде, когда Соркл только застраивался, святую Хласу покорила красота этого холма и он был выбран в качестве места для поселения. Здесь она приказала возвести дома для четырёх своих самых одарённых учениц: Селы, Рины, Белы и Норы. Так появились первые великие дома Камышей – Селтон, Ринтон, Белтон и Нортон.

Великий дом Селтонов со временем разросся, дав жизнь восемнадцати старшим домам, а от них, в свою очередь, произошли младшие. Однако прямая линия Селтонов прервалась около двухсот лет назад, когда единственная дочь Леи, тогдашней главы рода, умерла подростком, не оставив потомства. Остальные её дети были мальчиками, и потому младшая сестра Леи обратилась к жрицам, прося передать великое наследие её старшей дочери.

Но храм был непреклонен. “Если род прервался, значит, такова воля богов”, – ответили жрицы, отказав в просьбе. Впрочем, роскошный дворец великого дома Селтонов после смерти Леи ее племянница Бора все же унаследовала – против этого жрицы не возражали. Теперь здесь жила Тиша – прямой потомок Бору и нынешняя глава старшего дома Селбортон.

Первым делом Ласи принялась искать Берта, чтоб не идти к старшим одной. Узнав у слуг, что Берт спустился в город, она долго решалась, не рискуя войти в зал. Судя по голосам, там собралась добрая половина камышинских женщин. Они что-то громко обсуждали, перекиваясь друг друга. В общем гаме Ласи сразу же узнала голос матери.

С того самого момента, как Лана застучала её на площади с Роном и Вилом за выпивкой, дочь предпочитала не попадаться ей на глаза. Лана была женщиной вспыльчивой, но отходчивой, и дети это знали. После проступков они всегда искали удобный повод для встречи с матерью, выжидая момент, когда её гнев уляжется.

Теперь, успокаивала себя Ласи, у нее был такой повод – важный разговор, который отвлечёт мать и, возможно, смягчит её остаточное раздражение. К тому же, наблюдая за ней во время прощания с Карсом, Ласи заметила, что Лана уже не так злится.

Всё, трусиха, хватит дрожать. Заходи уже...

– О, Ласи, хорошо, что ты пришла! Я как раз хотела с тобой посоветоваться, – голос матери звучал тепло, даже радостно.

Лана была в прекрасном настроении и, подойдя к дочери, протянула ей небольшой флакон. В зале, помимо неё и Тиши, собралось несколько женщин. Ласи была знакома почти со всеми – еще одна мамина подруга Исса Белтон, две дамы из старших домов, трое “младших” соседок домами ниже по холму и несколько женщин с Задов.

Ласи вежливо поздоровалась со всеми “великими” и “старшими”, называя их по именам и названиям домов, как того требовали правила. Перейдя к младшим, она смутилась, так как не помнила имена их матерей, а некоторых и вовсе видела впервые. Не найдя ничего лучшего, она просто произнесла “Здравствуйте”, улыбнулась и уставилась в пол.

– Здравствуй, Ласи, дочь Ланы из великого дома Нортонов. – чеканя каждое слово, произнесла одна из женщин.

Это был явный упрек. Женщина всем своим видом показывала, что ее имя нужно знать наизусть и проговаривать полностью во время приветствия.

Видимо, она из великого дома, судя по гонору. Мне конец...

От смущения Ласи стала пунцовой. Но это длилось недолго. На помощь пришла Лана.
– Познакомься с Гессой, дочерью Тары. Она приходится женой твоего двоюродного дяди Шонка.

Ласи тут же отпустило.

– Здравствуйте, тётя Гесса, дочь Тары, – кивнула она с улыбкой.

Родственница оказалась из младшего дома.

Пронесло.

Сама Ласи происходила по прямой линии от Норы, основательницы великого дома Нортон. Однако, как старший ребенок, она была посвящена в иды, и потому право наследования переходило к её младшей сестре Соте, будущей главе великого дома Нортонов. Ну а самой младшей, Мели, суждено было по достижении совершеннолетия основать новый, теперь уже старший дом – Нормелтонов, став его первой главой и родоначальницей новой ветви.

Чем древнее был род, тем короче было его название. Потомков старших, а тем более великих домов следовало представлять не только по имени их матери, но и с упоминанием рода. Нарушение этого правила считалось неучтивостью, а в присутствии жриц или влиятельных семей – и вовсе оскорблением.

Тем не менее, жизнь не стояла на месте и великие дома, основанные ученицами святой Хласы, продолжали разрастаться. В каждом таком старшем или младшем доме сохранялось имя основательницы, от которой он происходил. Официальное представление рода могло затянуться, если предки человека принадлежали к длинной цепочке домов. Со временем подобные полные титулы стали использовать только в жреческих книгах, а в повседневной жизни люди называли лишь своё имя и имя матери. Если требовалась дополнительная идентификация, добавляли название великого дома, от которого вел начало младший род.

Женщины, поздоровавшись с Ласи, вновь сгрудились вокруг стола, оживлённо обсуждая что-то с явным воодушевлением.

– Посмотри, какие великолепные духи! – Лана приподняла крышечку флакона, и воздух тут же наполнился густым, терпким ароматом. – У него их несколько видов, и я никак не могу выбрать.

– У кого это “у него”? – насторожилась Ласи, нахмурившись.

– Вон, на столе всё разложено, подойди, посмотри. Джейтунец, правда, заламывает цены, но я тебе с Сотой тоже возьму по маленькому флакончику, не переживай.

Ласи замерла. Она только сейчас заметила продавца – и сердце в этот момент будто ухнуло в пустоту. Это был он.

Тот самый джейтунец.

Тот, кто преследовал её в ночь после праздника.

– А зачем покупать, мам? Он и так отдаст. Правда, убудок?!

– Ласи! Что ты себе позволяешь! Не позорь меня перед людьми!

Лана резко обернулась, но Ласи уже не слушала её – её взгляд был прикован к джейтунцу, который стоял с виноватой миной и делал вид, будто не понимает, о чём речь.

– Ты говорил, что у тебя больше не осталось духов! – со злостью выпалила Ласи, не обращая внимания на гул голосов вокруг.

Комната замерла. Даже Лана насторожилась, мгновенно поняв, что дочь знакома с торговцем.

– У меня не осталось, госпожа, я тебе не соврал, – тут же затараторил джейтунец, взволнованно разводя руками. – Эта партия духов принадлежит нашему старосте.

– Не хочу ничего слушать! – Ласи шагнула ближе, в упор глядя на мужчину. – Отдай всё сюда и проваливай.

– Ласи! Что здесь происходит?! – голос Ланы прозвучал резко, как хлёсткий удар. – Объясни немедленно, почему ты грубишь этому человеку?

– Потому что это мои благовония. Он мне их должен.

– Должен?! – Лана сузила глаза. – И когда он успел задолжать тебе такое состояние?

– Не слушайте её, госпожа, – жалобно протянул джейтунец, заметно нервничая. – Ваша дочь имеет право злиться на меня, но я уже сполна ответил за все! – он трясущейся рукой указал на еще не заживший шрам на носу. – Посмотрите, какую отметину она мне оставила! Да и целый кувшин духов отобрала...

– Но я не в обиде! – поспешно добавил он, заискивающе заглядывая Лане в глаза. Он сразу смекнул, в чьих руках теперь судьба его товара, да и его самого.

– Что происходит?

– Мам, не слушай этого идиота...

– Расскажи, что между вами произошло, дочь!

– Да ничего особенного. Я хотела его убить, но потом передумала и предложила выкуп за его жизнь. А он мне наврал, что больше духов у него нет.

– Что значит "ничего особенного", как понимать "хотела убить"? Ты говоришь с таким тоном, будто собиралась петуха зарезать, а не человека.

– А он и есть петух. Ну посмотри, какой из этого уroda человек?

– Что между вами произошло, Ласи?

– Он преследовал меня ночью в садах, а потом напал.

– Что ты говоришь такое, госпожа! Клянусь моими тремя детьми, я не нападал на нее!

Всего лишь предложил уединиться в обмен на духи... – на лбу джейтунца начал проступать пот.

– Всего лишь!

– Госпожа, прошу вас! – мужчина попятился, вытирая пот со лба. – Я не причинил вашей дочери ни малейшего вреда! Клянусь всеми богами!

Лана молчала. Она медленно подошла к очагу, подняла тяжёлую кочергу и обернулась. Глаза её были пустыми, холодными, как у зверя перед броском.

Джейтунец вжался в стену, прикрываясь руками, его лицо побелело.

– Лана, остановись! – Тиша с силой раздвинула оцепеневших женщин и бросилась к подруге.

– Пусти!

– Нет, Ланочка, прошу тебя! Отдай кочергу! Эй ты, быстро проваливай отсюда, пока тебя не убили прямо у меня в доме.

Джейтунец не стал испытывать судьбу. С диким вскриком он метнулся к столу, дрожащими руками сгребая благовония в сумку. Флаконы громко брякались друг о друга, несколько штук едва не выскользнули, но страх подгонял его быстрее, чем жадность..

У самой двери его догнала Ласи и со всех сил влепила ему мощный пинок под зад, от чего торговец рухнул на косяк, разбив себе лицо. Ласи, смеясь, вышла за ним во двор и провожала убегающего обидчика всеми похабными насмешками, которые только знала.

– Что случилось, Лась? – Монк выбежал за калитку и с интересом наблюдал за происходящим.

– Да ничего. Мама чуть не убила этого козла кочергой.

– За что?

– За меня!

– Да ладно!

– Хочешь монетку, Монк?

– Хочу!

– Беги за ним и проследи, где он живет.

– А монетка?

– Получишь, когда вернешься с новостями.

Монк фыркнул, прищурился, оценивая предложение, но азарт пересилил сомнения. Он сорвался с места и, пригнувшись, как охотничий пёс, кинулся следом за джейтунцем.

Ласи вернулась в дом к Тише. Хозяйка пересказывала прибежавшему на шум мужу случившееся, а женщины, тем временем, успокаивали Лану. Она жадно пила принесенную кем-то воду и попеременно обращалась то к одной соседке, то к другой.

– Ты представляешь, Исса, этот ублюдок решил, что моей дочери можно предложить такое!

– А что ты хотела от джейтунца, Лана? Это же трусливые ничтожества, у них духа не хватает бороться за женщин. Своих шлюх они только так и добиваются, подарками. Ненавижу этих тварей.

– Жаль, Тиша помешала, я его собиралась прибить прямо на месте.

– Ну и правильно, одним уродом стало бы меньше.

Постепенно Лана успокоилась и даже повеселела. Ласи улучшила момент и попросилась домой. Мать не возражала.

– Пойдем, Ласи. Там дети плачут уже, наверное.

Глава 10 Лана

Особняк Нортонгов был построен на одном из лучших участков холма. С фасада он был выложен ослепительно белым известковым камнем, который добывали у северных хребтов Ривана и продавали в Соркле за баснословные деньги. Лане почти ничего не пришлось переделывать, настолько все было добротнo построено несколькими поколениями прабабушек, она лишь обновила кровлю и немного изменила внутреннюю планировку восточной части, где находились ее покои.

Сейчас особняк сиял белым камнем так, что в полдень на него было больно смотреть. Ласи всегда это раздражало: он будто напоминал всем вокруг – здесь ошибаться нельзя.

А сегодня ей как раз предстояло сделать то, что она боялась больше всего: произнести имя Горы в доме.

Дети, как оказалось, вовсе и не думали плакать. Пока Лана отсутствовала, весь третий этаж, где находились ее покои и детские спальни, был перевернут верх дном. Тир, младший из братьев, свалил всю вину на отсутствующего Монка, но это никак не помогло ему избежать нескольких довольно крепких подзатыльников. Соте тоже досталось, хоть она, бедная, нянчилась с младшей сестренкой и не видела, что творят братья. Ну а Торс, как всегда в таких случаях, даже не стал подниматься наверх и, выпрыгнув из окна своей спальни, сбежал на рыбалку. По крайней мере, так он заявил рабыне, подметавшей двор.

Ласи помогала матери привести все в порядок и никак не могла подобрать правильные слова, чтоб начать разговор про Гору. Упоминание этого имени в доме было под негласным запретом, оно приводило Лану в бешество и тому, кто посмел напомнить матери об этой женщине, приходилось потом несладко.

– Не тужься, говори уже, – потребовала Лана.

– Ты о чем, мам?

– Я тебя знаю, как облупленную, Ласи. Ты ведь явно хочешь мне что-то сказать, но не знаешь с чего начать.

– Ну... в общем...

– Ладно, не мучайся. Я и так все знаю. Просто ждала, чтоб ты сама призналась.

– В чем призналась?

– Да брось ты, я не злюсь на тебя. Ты не сделала ничего предосудительного, пойдя туда. Я не могу тебе запретить – это против обычаев. Ну-ка, принеси мне попить и расскажи, как прошел турнир этой дряни.

Такого оборота Ласи не ожидала. Она совсем забыла про турнир Каны. Видимо, Торс все же рассказал Лане, что ее старшая дочь вернулась домой только за полночь, да еще и с пьяной вдрызг Ханной. Как теперь оказывается, она напрасно ранним утром, пока все спали, растолкала подружку и вывела ее из дома.

– Турнир как турнир. Я видела и получше гораздо. Во всяком случае, до твоих ей далеко. Да и пир был куда скромнее наших.

– А что так? Гостей было мало, или угощений?

– Да нет, вроде всего было вдоволь.

– Что же в таком случае тебе не понравилось?

– Веселья было мало. Эти лысогорцы – они же такие неотесанные и скучные, – Ласи безбожно врала матери, понимая, что это единственный способ сохранять ее в хорошем расположении духа.

– А что ты ей подарила?

– Духи.

– Какие еще духи?

– Те, что я отобрала у того урода. Я немного отлила Кане в флакон.

– И за какие такие достоинства она удостоилась подобной чести? Для родной матери пожалела, а этой шлюхе целый флакон подарила!

– Ну что ты, мам, я первым делом тебе отложила, да и флакон совсем маленький ей выбрала, там чуть-чуть совсем.

– Ей и этого много!

– Да, Ханна тоже так думает.

– Ханна, хоть и дура ветреная, но в этих вопросах соображает намного лучше, тебе стоило к ней прислушаться. Ну да ладно. Подарок, небось, понравился Кане?

– Что ты! Она пришла в неописуемый восторг! Правда, сначала подумала, что это ты ей прислала.

– Да ты что!

– Да! А когда я сказала, что это от меня, она даже погрустнела немного. Мне кажется, она надеялась, будто это ты решила ей подарок сделать, – Кана хоть и не предлагала свою помощь во всем, как Гора, но, после вчерашнего пира, приглашения на свадьбу и целых трех каниных тостов «за Великий Дом Нортон», сердце Ласи заметно смягчилось.

– Вот еще! Не хватало мне этой мрази подарки отправлять. Видел бы мой несчастный брат, ради какой суки он погиб...

– Мам...

– Что?

Ласи очень хотелось сейчас возразить матери, рассказать про приглашение на свадьбу и вчерашний прием, объяснить свою точку зрения на этот 18-летний конфликт, но... Ласи боялась вспышки материнского гнева, который неминуемо последовал бы при первых же словах. Она даже знала, как Лана заткнет ее. "Ты забываешься, дочь!", – выпалит мать, и Ласи обдаст привычным до боли холодом, словно ее окатили ледяной водой.

Ласи вдруг вспомнила, как Несса вчера запросто по-дружески обнимала Канну, и её снова неприятно кольнуло в сердце от мысли, что у нее с Ланой таких отношений никогда не будет.

– Мам... на самом деле... – она запнулась и не могла подобрать слов.

– Что "на самом деле"?

– На самом деле я хотела рассказать тебе о другом, – Ласи, наконец, нашлась и решила перевести разговор на главную тему.

– Что еще? Не томи меня, дочь.

– Да ничего особенного. Просто я сегодня спускалась от Пиры и внизу столкнулась с ...с Горой, – Ласи сразу же почувствовала, как мама напряглась, – Мам, клянусь, я решила поздороваться и пройти мимо, но она меня остановила и давай молоть всякую чушь.

– Какую еще чушь? Что она тебе наговорила?

– Да ерунду всякую, – Ласи была безжалостна к Горе, – Мол, любит тебя до сих пор, очень якобы рада, что ты стала посещать праздники. А, вспомнила! Еще помощь мне предлагала.

– Помощь? Ты нуждалась в помощи? Что ты опять натворила?

– Ничего не натворила. Просто она почему-то решила, что раз я твоя дочь, то она будет во всем поддерживать меня и помогать.

– А как она это говорила?

– Да так и сказала. Мол, можешь рассчитывать...

– Нет! – нетерпеливо перебила мать, – Как она про меня говорила?

Ласи смутилась. Она ждала какой угодно реакции, но только не такой. Лана и не думала злиться. Она откинулась на спинку софы и отпила из чаши, словно смакуя рассказ дочери. Последняя тем временем отчаянно пыталась вспомнить весь разговор дословно, со всеми инто-

нациями и выражением лица Горы. Теперь Ласи злилась на себя, что во время беседы она смотрела себе под ноги, изображая скуку.

– Она сначала пыталась узнать, злишься ли ты на нее, а когда я ответила, что не знаю, Гора сказала, что не предавала тебя и до сих пор считает самым близким другом.

– Кхм.., – задумчиво хмыкнула Лана, отпивая вино и смотря куда-то вдаль, сквозь противоположную стену зала.

Ласи ждала, пока мать еще что-то спросит, но та продолжала молчать. Лана сидела, закинув ногу на ногу и положив себе на колени небольшую мягкую подушку, обитую той же тканью, что и софа. Делая очередной глоток, она опускала серебряный кубок на подушку.

"Бойтся халат испачкать", – догадалась Ласи. Впрочем, для того, чтоб догадаться, не требовалось особого ума – шелковый халат, вышитый серебряной нитью, стоил целое состояние. Его подарил Лане ее второй муж – отец Монка и Тира. Он привез его откуда-то из Дживана, где три года служил старшиной телохранителей одного местного богача.

– Прям так и сказала, что до сих пор любит? А глаза? Что ты прочла в ее глазах при этих словах?

– Грусть, – врать так врать, Ласи решила ничем себя не ограничивать, описывая то, чего не видела. За эти годы она научилась угадывать желания матери и всегда старалась говорить то, что та хотела бы услышать. А Лана, судя по ее странной реакции и не менее странным вопросам, хотела услышать именно это, – В ее глазах была грусть и какая-то странная нежность. Я очень удивилась, видя такое.

– Почему удивилась?

– Ну, не знаю... Я всегда считала вас смертельными врагами и ненавидела Гору. А сегодня она, неожиданно для меня, говорила с такой нежностью про тебя, что удивила не на шутку.

– Не удивляйся, дочь. Мы никогда не были смертельными врагами. Не знаю, с чего ты это взяла.

– Как? Разве она не оставила тебя на Кислых землях? Ты всегда говорила, что она специально это сделала.

– Она специально это сделала.

– Ну вот!

– Налей еще, – Лана вместо ответа протянула дочери кубок.

Ласи, стараясь не смотреть на мать, забрала кубок и пошла за вином. Она заметила, что мать еле сдерживается и вот-вот расплачется – одна непослушная слеза уже успела скатиться по щеке и сейчас путешествовала вдоль красивой лебединой шеи.

– А лучше принеси кувшин сюда к нам, – попросила Лана вслед.

Ласи принесла вино, налила матери и уселась рядом. Это было довольно нагло с ее стороны. Роскошная софа хоть и вмещала свободно трех человек, но без приглашения садиться к Лане никто в доме не смел, включая Торса.

Но сейчас для Ласи это была единственная возможность усесться так, чтоб не смотреть на мать.

– Если вы не враждовали, почему же она оставила тебя на Кислых землях? – робко продолжила Ласи.

Она была морально готова к тому, что в любой момент разговор может прекратиться и сентиментальность мамы резко сменится гневом, если Ласи ляпнет что-то не то. Тем не менее, ее раздрало любопытство – с самого детства она ненавидела Гору, считая ее маминым врагом и причиной всех несчастий.

Однако встреча с ней и необычная реакция матери – все это заставляло ее жадно впитывать каждое слово Ланы, чтоб понять, наконец, что же все-таки произошло восемнадцать лет назад у подножия Элулая.

Лана никогда ранее не обсуждала с дочерью эту историю. Ласи знала о ней лишь из обрывков фраз, оброненных матерью в разговорах с Тишей, Пирой, Торсом и другими. В детстве Ласи пару раз пыталась выведать подробности, но мать всегда грубо обрывала ее и запрещала произносить впредь это имя. "Придет время, и ты все узнаешь", – заявляла Лана. Сегодня, видимо, этот день настал.

– Она оставила меня там, потому что не хотела приносить в жертву, – голос Ланы дрожал. Вторая слеза устремилась следом за первой, свернув к подбородку.

Наступило тягостное молчание. Лана медленно подносила кубок к губам и делала небольшие глотки. Даже это небольшое движение руки выдавало в ней аристократку до мозга костей. И дело было вовсе не в красивейших перстнях с камнями на ее длинных пальцах, не в роскошной домашней обстановке и дорогом одеянии.

Ласи всегда восхищалась утонченными движениями матери и пыталась копировать ее во всем. Но ей никогда не удавалось двигаться с такой же непринужденностью и аристократизмом. Несмотря на то, что все постоянно поражались ее схожестью с Ланой, мама оставалась для нее идеалом и недостижимой величиной.

– Мы тогда были совсем юными, неразлучными подругами, – задумчиво произнесла Лана, покручивая кубок в пальцах. – Помню, даже как-то поклялись хранить друг другу верность до самого моего ухода из Нижнего царства.

Она протянула Ласи пустой кубок. Та машинально наполнила его, а мать вдруг неожиданно спросила, глядя ей прямо в глаза:

– Вы с Ханной... очень близки?

Ласи едва не расплескала вино.

– Нет, мам! Ты что?! Мы просто подруги.

Лана откинулась на спинку кресла, сделала глоток и тихо усмехнулась.

– А мы были ближе, чем просто подруги... Она значила для меня всё в этой жизни.

Ласи казалось, что прямо сейчас на нее рухнет потолок. Она невольно даже посмотрела наверх – убедиться, все ли там в порядке. Лана никогда не говорила с ней, как со взрослой. Тем более на такие темы.

Бокал с вином лежал на подушке, на коленях у мамы. Ласи потянулась к нему. "Вот сейчас точно рухнет!", – пронеслось в голове. Лана, как это не странно, не стала удерживать дочь и спокойно наблюдала, как та несколькими жадными глотками осушила бокал.

– У тебя же есть свой бокал, дочь, я тебе дарила на 16-летие.

– Да, мам, сейчас принесу.

– Не надо. Возьми там в шкафчике, у меня их много.

Теперь они пили вдвоем. Впервые в жизни. Вино помогло Ласи справиться с волнением и вести себя немного раскованней. Она наконец решилась задать мучавший ее вопрос.

– Если вы были так близки, почему же она так поступила?

– Чтобы оставить меня в Нижнем царстве.

– И ты... ты ее за это ненавидишь?

– Нет. У меня никогда не было ненависти к ней. Я злилась на нее первые годы, но потом и это прошло. Когда вы родились, я стала постепенно возвращаться к жизни, а потом и вовсе успокоилась. Конечно, мне в этом помогла Пира, не знаю даже, что бы без нее делала.

– Но Горе ты так и не простила.

– Не простила. И вряд ли когда-нибудь смогу простить.

– Почему? Ведь боги тебя вернули вовсе не из-за этого.

– Пира тоже уверена, что боги вернули меня как подарок людям. Меня ведь нашли в одном из фургонов с подарками.

– Ну вот, видишь! А ты считаешь виновницей Гору.

– Она и есть виновница, Ласи. Гора знала, что делает. Еще задолго до жертвоприношения, когда мы однажды сидели в ее покоях, она предложила мне этот план. По ее словам, достаточно пробыть на Кислых землях немного времени, и боги не примут жертву. Я тогда пришла в ярость, накричала на нее и хотела уйти, но она сумела успокоить меня и поклялась, что никогда этого не сделает, раз я против.

– Откуда ей вообще знать, что примут боги, а что нет?

– Я не знаю. Она вообще особенная, ее даже Кальта боится.

– Кальта?! Она ведь старшая над Горой и остальными.

– А кто ее знает... Лет пять назад я как-то сидела у Пиры, и вдруг мы услышали, как Гора орет на Кальту. Ее крики были слышны даже через стену. Да что там Кальта – она даже богам молится не как все. Еще когда мы дружили, я могла заходить в жреческие покои Горы когда хочу, и однажды вошла к ней во время молитвы. Она обращалась к богам не как все мы, а как равная к равным. Не грубила, но и без всякого почитания. Я много раз была свидетелем того, как молится Пира – она буквально лебезит перед богами, стоит перед алтарем на коленях и боится шелохнуться.

– Ты хочешь сказать, что Гора – посланница?

С момента, как святая Хласа основала Риван и в течении всей своей многовековой истории страна знала лишь трех посланниц, включая саму Хласу – легендарную жрицу, построившую храм Тивеллы в Соркле. Однако Гора ничем не была похожа на этих великих героинь, и у Ласи никак не укладывалась в голове мысль, что та может оказаться посланницей богов.

– Я не знаю, кто она. Но точно знаю, что оставив меня на пол-дня в Кислых землях, Гора намеренно лишила меня вознесения в Верхнее царство. Она подло нарушила все законы и данную мне клятву.

– Мам...

– Что?

– Только пообещай, что не рассердишься. Я всего лишь хочу понять...

– Да говори уже. Я сегодня добрая. Только подлей еще вина.

– Мам... ты видела богов, когда была там на Элулае?

– Нет, конечно. Нас напоили сонным зельем еще на подступах к горе. Простому смертному не позволено видеть богов, с ними общаются только жрицы.

– А что ты видела? Расскажи!

– Да ничего особенного. Гора полдня шла за мной обратно, потом мы пришли на стоянку к остальным, я чувствовала себя отвратительно, меня все время тошнило. Гору я уже не подпускала к себе. Потом одна из вайпид – моя подружка Кира – принесла вино, я выпила и проснулась уже в фургоне, от криков Кальты. Она явно не ожидала увидеть меня там.

– Я все время думаю о том, что скоро стану вайпидой и боги заберут меня в Верхнее царство. Но, иногда, совсем редко, меня начинают преследовать страхи.

– Какие еще страхи?

– Я не знаю... иногда становится страшно, а вдруг нас там бросят на съедение волкам...

– Что за бред! Где ты набралась этой ереси? Опять уличные проповеди слушала?

– Но ведь никто, кроме жриц, не видел богов. И даже ты не видела.

– Зато они меня видели. Или ты думаешь, это волки наполняют фургоны дарами, волки зачали тебя и потом уложили меня в фургон? А молитвы? Они же слышат наши молитвы и помогают нам. Это тоже волки по-твоему? А Божественный Фаллос?

– Ты видела Божественный Фаллос?!

– Я не видела, мне было очень плохо после Кислых земель, но на стоянке девочки лазили на утесы неподалеку, и оттуда рассматривали его. Правда, он был очень далеко. Теперь ты веришь, что все твои страхи напрасны?

– Да, мам.

– Поверь мне, родная, пройдет ровно год, и ты вознесешься к богам, став одной из них. Ты познаешь настоящее счастье и любовь, живя в Верхнем царстве. Если б не Гора, я бы сейчас была богиней, а всем этим бедламом Нортонов управляла бы моя младшая сестра, будь она неладна.

– Ты все еще злишься на тетю Нору?

– Да нет. Конечно, она совершила глупость, сбежав с этим своим джейтунцем в Халиту. Но, с другой стороны, мое возвращение лишило ее наследства и титула, да и не горела она никогда желанием жить по обычаям. Мама ее сильно баловала, и Нора всегда делала то, что ей хотелось. Да и смерть Горка сильно выбила ее из колеи. Я ее почти сразу же простила. Потом еще и подарки отправляла через купцов.

– А бабушка простила?

– Нет. Она до самой смерти не хотела слышать о Норе ни слова. Я не спорила с ней. Твоя бабушка была очень жесткая женщина, настоящая глава великого дома. Ей невозможно было объяснить, что Нора полюбила этого парня больше жизни и ее не интересуют ни Риван, ни наши обычаи, ни все мужчины, которые могли бы валяться у нее в ногах.

– Мам, я немного теряюсь и не знаю, как правильно тебя понять. Ты говоришь о поступке тети Норы с пониманием. При этом ты ненавидишь Кану, потому что она не нарушила закон и не сделала того, чего ты, в свою очередь, не можешь простить Горе.

– Ох, какая же ты у меня дура, Ласи, – вздохнула Лана.

– Ну почему, мам? Ведь и там нарушение законов, и здесь. И там все ради любви, и здесь.

– Нора к тому времени уже не была наследницей Великого дома. Она опозорила только себя. Конечно, это было пятно на всей семье, а не только на ее репутации, но потом как-то все забылось. Когда, после смерти матери, она впервые приехала нас проведать, все соседи выстроились к ней в очередь за подарками, забыв, как поначалу злословили о ней и проклинали. Что касается Горка, то Кане, если она действительно любила моего брата, нужно было всего лишь не отбирать его на бой, как я и просила ее. Она этим не нарушала никаких обычаев и законов. А вот Гора разрушила мою жизнь, перевернула мою судьбу, чуть было не опозорила весь мой род и мою мать. Она, в конце концов, лишила меня возможности вознестись в Верхнее царство. И сделала это, подло воспользовавшись моим доверием и нарушив клятву.

Два бокала вина, не считая мамин, сделали свое дело – Ласи вдруг обняла мать за шею и прижала к себе. Совсем как Несса вчера, когда сидела на пиру рядом с матерью. Ласи боялась дышать, ожидая от Ланы взбучки. И в то же время испытывала какое-то необычное ощущение от того, что вот так по-свойски обнимает самого близкого человека, нарушив субординацию и все мыслимые правила воспитания в великом доме Нортонов.

Лана легко поддалась и не сопротивлялась. Она уткнулась в плечо дочери и вздыхала.

– Но, если вы с Горой были так близки, почему... – Ласи запнулась.

– Почему что?

"Будь что будет", – решила Ласи.

– Почему в таком случае ты отказалась от ее плана?

Страхи оказались напрасными, мама даже не думала гневаться. Она лишь отодвинулась и с ухмылкой посмотрела на Ласи.

– Что ты чувствовала, когда Рон полез отнимать твою девственность?

Теперь настала очередь Ласи вздыхать.

– Я взбесилась и больно ударила его.

– Правильно, моя девочка. А почему ты взбесилась? – Лана выговаривала слова медленно и с расстановкой, словно общалась с трехлетним ребенком.

– Не знаю... Я не думала об этом. Все как-то само собой вышло.

– А ты подумай.

– Ну... наверно, я пришла в бешенство от мысли, что он все решил за меня, что он хочет разрушить все, к чему я стремилась и готовилась всю жизнь. И я испугалась, что если ему это удастся, я не выполню завет богов и опозорю тебя, себя, Соту и весь наш род.

– Ну вот, дорогая. Теперь ты понимаешь меня.

– Но ведь я простила Рона. А ты уже восемнадцать лет не можешь простить Гору.

– Поверь, Ласи, ты простила лишь потому, что он не сумел сделать задуманное и все обошлось. А Гора сумела.

– Ты считаешь, из-за этого?

– Да. Можешь быть уверена. Слава Тивелле, тебе не пришлось пройти через то же, через что прошла я – себе самой не простишь, не то что другим. Ты ведь наверняка взяла с Рона обещание, что это не повторится, я угадала?

– Да, мам. Я первым делом потребовала его поклясться, когда мирилась.

– Ты знаешь, Ласи, все-таки я, наверно, отпущу тебя в Халиту, как ты просила. Мозги, во всяком случае, у тебя на месте и я могу быть спокойна.

– Боги! Как я тебя обожаю, мамулечка!

– Ну ладно, ладно, не прижимай меня так сильно, вино разолью. И, кстати, Ласи, если тебе в храме понадобится поддержка, а Пиры не будет на месте, можешь смело обращаться к Горе, она поможет.

– Я думала, ты будешь предостерегать меня не иметь с ней дело.

– Нет, милая. Моя с ней ссора останется между нами. На тебя это не переносится. Тем более, она – почитаемая всеми жрица главного храма и очень добрая, благородная женщина.

– Хорошо, мам.

– Ну ладно, так и быть. Я все же тебе скажу. Только, пожалуйста, когда об этом объявят, сделай вид, будто ты ничего не знала.

– Что случилось?

– Тебя представили богам в списке лучших ид Ривана.

– Да ты что!!! О, Тивела, слава тебе, мать наша!

– Да! Я третий день хожу сама не своя. Ты у меня молодец, Лась, гордость всей семьи. Не могу до сих пор поверить, что моя дочь уже выросла и стала взрослой. Но больше всего меня удивило, что тебя, помимо Пиры, внесла в свой список Гора. Я была поражена. Это очень мило с ее стороны. Признаюсь честно, от нее я никак не ожидала этого.

– Так ты поэтому пришла на праздник?!

– Да. У меня было великолепное настроение, которое, впрочем, сразу испортилось, когда я увидела тебя в компании этих недоносков.

– Ой, мам, ну, пожалуйста...

– Ладно, я уже не злюсь. Тем не менее, передай Рону, что я ему не тихоня Эrsa – если он учудит с тобой нечто подобное, как с Ханной, собственноручно кастрирую его на Храмовой площади и скормлю одно яйцо местным псам, а второе прямо там же сожрет Вил.

– Обязательно передам им слово в слово, мамочка!

Глава 11 План ограбления

Ласи решила прибраться в своей комнате, но мысли то и дело возвращались к разговору с матерью. Новость не давала ей покоя. Вайпидой становился лишь каждый сотый из ид, а в последние годы и того меньше. Однако все знали: если твое имя появилось в списке жриц, ты уже одной ногой там, в Верхнем царстве. Боги никогда не обходили эти списки вниманием.

Едва Ласи успела задвинуть сундук под кровать, как дверь распахнулась, и в комнату ворвался запыхавшийся Монк.

– Ласи! Вот ты где! Гони монетку! – радостно объявил он.

Даже по его виду было ясно, что новости хорошие. Монку удалось проследить за джей-тунцем до самого постоянного двора.

– Их там четверо, и они скоро уедут!

– Когда?

– Не знаю точно. Сын хозяина кабака сказал, что они уже второй день тюки пакуют, повозки ищут. Может, завтра, может, через пару дней... а может, и вовсе сегодня снимутся с места! – весело отчитался Монк, подбрасывая в ладони новенькую серебряную монетку.

Ласи довольно прищурилась. Упускать шанс одним махом решить болезненный вопрос денег она не собиралась. Конечно, мама что-то даст, ребята тоже наскребут, но ей этого было мало. Она мечтала попасть в Халиту с детства – бродить по ее улицам, покупать все, что захочется, ходить на представления, которые там встречаются чуть ли не на каждом шагу. И для всего этого нужны были деньги, причем куда больше, чем те крохи, что они могли бы собрать.

Решение пришло само собой. Ласи выскочила из дома и бегом направилась в Низы.

– Тетя Эrsa, Ханна дома?

– Дома, конечно, – отозвалась та. – Посмотри у пруда, она там за детьми присматривает.

Правильнее было сказать, что это дети – два маленьких сорванца – присматривали за Ханной, пока та сладко дремала под ивой.

Пятилетние близнецы, затаив дыхание, старались не разбудить сестру и с полной серьезностью соорудили для нее «подношение». По ее ногам уже расползались дождевые черви и гусеницы, муравьи суетливо сновали между пальцами, а солнечные пятна на коже украшала россыпь божьих коровок. Картину довершала огромная мертвая стрекоза, аккуратно зажата между ее расслабленными пальцами.

Увидев Ласи, мальчишки сначала растерялись, но, заметив заговорщицкую улыбку на ее лице, оживились.

– Мне нужно ее разбудить, – сообщила Ласи.

– Подожди немного, мы скоро закончим. Ее разбудит уж, – хихикнул один из близнецов.

– Уж? – насторожилась Ласи.

– Вон там, под ивой. Только накрой крышкой, а то сбежит.

Вскоре все было готово. Осталось главное – уговорить ужа поучаствовать в представлении. Один из мальчишек осторожно положил его на грудь Ханны, после чего вся троица, во главе с Ласи, кинулась в кусты, сдерживая смех.

Согласно плану, уж должен был разбудить сестру своим ползанием. Однако, вопреки ожиданиям, он уютно свернулся клубком и, похоже, решил вздремнуть. Близнецы забеспокоились, начали кидать в него камушки, но рептилии было откровенно наплевать.

– Змея! – вдруг заорала Ласи.

Этого оказалось достаточно. Пронзительный вопль Ханны сотряс всю округу. В панике она смахнула ужа, вскочила, растоптала половину принесенной ей «живности» и, с криком бросившись к воде, плюхнулась в пруд.

Но бедняжка не успела облегченно выдохнуть. Стоило ей вытащить из воды руку, как она заметила... стрекозу! Близнецы, проявив смекалку, аккуратно привязали насекомое к ее пальцу, используя собственные волосы Ханна. Раздался второй, еще более оглушительный вопль.

На шум сбежались домочадцы. Увидев, что случилось, они сперва замерли, а затем разразились хохотом. Ханна, забыв обо всем на свете, размахивала руками и осыпала всех проклятиями, не стесняясь в выражениях.

– Это тебе урок, лентяйка. Будешь знать, как дрыхнуть вместо работы. От тебя всего-то требовалось приглядывать за малышами!

– Я не заметила, как заснула, мам, – виновато, но уже с улыбкой пробормотала Ханна.

– А если бы с ними что-то случилось? “Не заметила” она! – отозвалась тётя Эrsa, покачив головой.

Пока Ханна переодевалась, Ласи вкратце рассказала ей про джейтунца.

– Ты хочешь его ограбить? – нахмурилась Ханна. – Нас ведь накажут.

– Я хочу забрать то, что принадлежит мне. Это разве ограбление?

– Но если он пожалуется, всё будет выглядеть именно как ограбление.

– А если пожалуюсь я? Что тогда будет, Ханна? Ты ведь знаешь, в этом случае в Джейтун отправится урна с его прахом.

– Вот об этом тебя и спросят жрицы. Почему, мол, ограбила, а не пожаловалась?

– Одним словом, ты не хочешь в этом участвовать?

– Почему же? – пожала плечами Ханна. – За тобой хоть на край света. Да и что нам сделают? От силы заставят месяц выгребные ямы в храме чистить. И то я сомневаюсь, что Пира и твоя мама не сумеют нас защитить от гнева Кальты и Горы.

– Это если он пожалуется. Но он не станет этого делать.

– Почему ты так уверена? Он может заявить о грабеже, а всё остальное отрицать. Это же джейтунец, они все изворотливые.

– Он не идиот. В доме Тиши он во всём признался, и там была толпа женщин из уважаемых домов. Они подтвердят мои слова, и тогда его казнят за оскорбление великого дома. Даже царь Донол со своей армией его не спасёт.

Ханна задумалась, потом ухмыльнулась:

– Ну ладно, грабить так грабить. Пошли искать мальчиков.

– Рон с Бертом ещё не вернулись, я заходила к Селбортонам. Времени уже не остаётся, вечером мне нужно быть в храме. Надо идти на Кузни – найдём Вила и вместе решим, как быть.

Кузни были одним из старейших кварталов города. Они начинались напротив Хола и простирались на запад вдоль правого берега Волсы, вплоть до самого Хребта Ведьмы.

Чтоб не терять времени, девушки наняли извозчика и тот довез их до рыбного рынка, откуда квартал уходил вверх узкими дорожками.

– И угораздило же этого придурка взобраться в такую глушь. – не скрывая раздражения, проворчала Ханна.

И у нее были все основания на это. Вил жил на самом краю Кузней, почти у подножия Хребта Ведьмы. Его пристанищем стала крошечная хибара рыбака Коно – за ржавую койку, старое одеяло и кусок рыбы на завтрак он платил хозяину сто двадцать монет в год. С деньгами у Вила никогда не было проблем, но вот к моменту описываемых событий вопрос выбора жилья был сложным.

– Зато безопасно, – ухмыльнулась Ласи.

Раньше Вил снимал половину роскошного дома на Красной Горке и был хозяином самых шумных вечеринок, собирая у себя едва ли не всю местную молодёжь. Именно там он и подружился с Роном, а затем с Ласи и Ханной. Однако, если красногорские мужчины и могли закрыть глаза на пьянки, то к его любовным подвигам отношение было менее терпимым. Вил оказался

слишком щедрым на внимание к замужним женщинам, и рано или поздно это должно было закончиться плохо.

Разгневанные мужья трижды вызывали его на бой. Он с честью принял только первый вызов, но после того, как разъярённый рога носец отвесил ему таких тумачков, что об этом судачила вся Горка, Вил предпочёл игнорировать дуэли. Дважды отказавшись, он окончательно потерял уважение и вскоре был вынужден спастись бегством – красногорцы стали просто ловить его и бить. По совету Рона и Ласи он перебрался за Волсу, в Хол – западную часть Соркла.

Но, как оказалось, уйти от проблем было не так просто. Впервые в Холе его избили не за коварно наставленные рога, а совсем наоборот – Вил позволил себе отказаться. Когда настойчиво добивавшейся его внимания сорокапятилетней главе старшего дома Рине Ирзортон он с улыбкой заявил, что она «слишком стара» для него, оскорблённая женщина тут же пожаловалась сыновьям. Те с удовольствием, да ещё и с особым энтузиазмом, сначала избили наглеца, а затем вышвырнули его из окна прямо в кучу навоза на соседнем дворе.

Но на следующий день в Хол явилась делегация – камышинские и красногорские молодые люди во главе с Роном и Бертом. Они пришли восстановить справедливость. Сперва они ритуально макнули в навоз всех молодых Ирзортонов, затем взялись за сбежавшихся на шум соседей. Чем бы всё это закончилось, неизвестно, если бы сама Рина не примчалась и не потребовала во имя Тивеллы прекратить побоище.

Мир был заключён. Однако на этом несчастья Вила в Холе не закончились.

Второй раз его там побили спустя полгода – теперь уже вместе с Роном. И снова из-за Рины Ирзортон, ставшей для него воистину роковой женщиной. На этот раз, памятуя её обидчивость, а может, поддавшись минутному порыву, Вил решил ей ни в чём не отказывать. Рон, будучи в хорошем настроении, тут же его поддержал. Они оба были достаточно навеселе и напрочь забыли, что находятся в спальне молодожёнов во время свадьбы. А, может, и помнили, но не придали этому значения. Внизу, под окнами, гулял весь Хол, новоиспечённый муж Рины чокался с гостями, а тем временем наверху...

На стоны и крики Рины прибежала сестра жениха.

Развязка оказалась неутешительной. Друзей избивали всем двором, даже пятилетние мальчишки норовили дать хорошего пинка. Их выпроводили лишь под утро, а оскорблённый жених, разумеется, отказался от брачной ночи с опозоренной на весь Соркл невестой.

На этот раз ни одна делегация с другой стороны Волсы не явилась. Учитывая пикантность ситуации, её там никто и не ждал. Даже сами Вил с Роном.

В итоге Вил перебрался в Кузни, в самую бедную часть этого квартала, где жили исключительно мужчины, и снял угол у старого рыбака. Первое время он жаловался друзьям на невыносимые условия, но постепенно нашёл в этом определенное удобство. Здесь никто не лез в его дела, никто не грозился свернуть ему шею, и даже Коно относился к нему доброжелательно – за лёгкий нрав и хорошее вино, которым Вил его угощал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.